

ДМИТРИЙ МИРОПОЛЬСКИЙ

ТАИНА

одной саламандры

Трилогия трех государств

Дмитрий Владимирович Миропольский
Тайна одной саламандры,
или Salamandridae

Серия «Тайна трех государей», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69582979

Тайна одной саламандры, или Salamandridae: Издательство АСТ;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-147020-3

Аннотация

Сверхсекретная вакцина вызывает внезапную эпидемию среди мировой элиты. Жертвы быстро проходят путь от озноба до кошмаров, безумия и самоубийства. Их число стремительно растёт. Что за неведомый вирус мог вызвать новую болезнь? Смертельная пандемия, которая угрожает всему миру, – это коварный замысел великого злодея или фатальная ошибка доброго гения?

Главные герои – отставной спецназовец, молодой историк и красавица-математик – вынуждены распутывать связи между последними открытиями Нобелевских лауреатов, давними подвигами французского Иностранного легиона, странными событиями в Европе, пиратами в Азии, кровавой бойней в Африке... Троица снова и снова рискует своими жизнями,

чтобы помешать наступлению всеобщего хаоса – и открыть человечеству путь к бессмертию.

На основе реальных научных данных.

Содержание

Глава I	7
Глава II	16
Глава III	26
Глава IV	37
Глава V	48
Глава VI	59
Глава VII	68
Глава VIII	79
Глава IX	91
Глава X	104
Глава XI	119
Глава XII	128
Глава XIII	137
Глава XIV	149
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Дмитрий Миропольский

Тайна одной саламандры, или Salamandridae

© Миропольский Д.В., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Бледно-зелёное —
Выпьешь
И станешь прозрачным,
Словно вода...
Если б такое найти лекарство!
Исикава Такубоку, XX век*

*Кто сказал, что бамбук
Гнётся под снегом?
Когда бы коленица гнуться могли,
Разве он зеленел бы зимой?
Верно, в морозы стоек один лишь бамбук,
Непреклонный, духом прямой.
Вон Чхонсок, XIV век*

*Всех же дней Мафусаила было
девятьсот шестьдесят девять лет;*

и он умер.
Пророк Моисей, XIII век до н. э.

Глава I

В очередной день приближённого значения числа *π* майор Одинцов готов был кого-нибудь убить...

...и на роль жертвы уверенно претендовал Дефорж, который появился неожиданно и вконец угробил Одинцову настроение рассказом о психах и покойниках. Но первым всё-таки начал Мунин: двадцать пятого августа насчёт числа *π* заикнулся именно он.

– Ты полегче, – посоветовал тогда Одинцов. – Это мы уже проходили, хватит.

Они действительно это уже проходили. Причём дважды за последние полгода.

Дату четырнадцатое марта во многих странах коротко записывают в обратном порядке: сначала месяц, потом день – 3.14, как первые знаки знаменитой константы. Шутники-программисты объявили четырнадцатое марта днём числа *π*. Нынешней весной в этот день Одинцова с Муниним едва не убили, а потом преследовали, похищали, пытались убить снова... Они чудом спаслись – только благодаря тому, что сумели разгадать тайну трёх российских государей, – и потом два месяца поправляли здоровье в госпитале.

Двадцать второе число седьмого месяца можно записать как 22/7, двадцать две седьмых. Результат этого деления – 3.14, поэтому июльскую дату называли «днём приближённого

значения числа *пи*». После госпиталя Одинцову и Мунину казалось, что все бури позади. Но двадцать второго июля накатила новая волна, и жизнь компаньонов снова зависела от разгадки тайны двух древних реликвий, а смерть опять шла по пятам...

Двадцать пятого августа о занятном совпадении вспомнил Мунин. Что ж, очередной день, связанный с числом *пи*, действительно не задался, и доконал его рассказ Дефоржа.

Советуя Мунину не шутить с нумерологией, Одинцов как в воду глядел – причём в буквальном смысле: он любовался в бинокль на гладь Сиамского залива. Море играло всеми оттенками синего цвета. Чем дальше от берега, тем сочнее становились краски, бирюза резко переходила в лазурь и ультрамарин, а над горизонтом стояли облака – такие же белые, как пляжный песок под ногами Одинцова.

Когда Мунин с Кларой подошли к соседним шезлонгам, Одинцов оторвался от бинокля и окинул взглядом сдобную фигуру подружки своего компаньона. Клара спрятала под широкополой шляпой коротко стриженную рыжую голову и нацепила на нос большущие тёмные очки, но легкомысленный чёрный купальник не скрывал ни прелестей девушки, ни разноцветных татуировок на её молочной коже.

По рукам Клары змеились готические надписи. Левое бедро охватывала кружевная чулочная подвязка, изображённая в мелких деталях. Правая нога от ступни почти до колена была увита виноградной лозой. Пирсинг в пупке поблёски-

вал каплей росы на лепестке алой розы, стебель которой уходил под бикини, дразня фантазию. По плечам распластали крылья пёстрые бабочки.

Изучить эту живопись Одинцову помешал Мунин.

– Ева ещё спит? – спросил он.

Одинцов кивнул и снова уставился в бинокль. Он с Евой и Мунин с Кларой прилетели в Таиланд накануне, к вечеру добрались на остров Чанг и для начала решили хорошенько отоспаться, а заодно привыкнуть к смене часовых поясов.

Два их бунгало стояли поодаль от прочих таких же белых одноэтажных домиков, которые рядами выстроились вдоль узкой полоски пляжа. Каждый домик – непритязательный на вид, с крышей из декоративного тростника – внутри скрывал просторные апартаменты класса люкс. Большая часть отеля сейчас пустовала: конец августа в тропиках – сезон дождей, хотя с погодой компаньонам повезло.

Утром Одинцов поднялся первым и не стал будить Еву. После душа он прошлёпал босыми ногами по глянцевому деревянному полу в холл – с баром и кухней, где уютно пахло тиковым деревом. Сварил себе кофе, съел пару бананов и вышел на белый песчаный пляж, начинавшийся сразу за порогом.

До тридцатиградусной жары было ещё далеко, но песок уже высох после ночного дождя, и тёплая вода в море напоминала бульон. Одинцов понырял, отплыв подальше от берега – туда, где прохладнее. Он успел вернуться, смыть соль

под душем и снова выйти на пляж, когда Мунин с Кларой наконец продрали глаза и устроились в соседних шезлонгах.

– Золото на голубом! – продекламировал Мунин то ли стихи, то ли песню, озирая панораму залива в солнечных искрах. Парочка обсуждала древнюю керамику. Одинцов не удивился. Мунин к двадцати пяти годам уже был знаменитым историком, который разгадал многовековую тайну трёх российских государей и кое-какие секреты европейской цивилизации, а юная Клара изучала археологию в Кёльнском университете.

За разговором о керамике девушка успевала бросать любопытные взгляды на Одинцова. Она впервые видела его в одних плавках. Старый солдат на шестом десятке сохранил впечатляющую мускулатуру и неплохо загорел на даче под Петербургом – ещё до начала июльских приключений. Белокожей Кларе впору было завидовать...

...как и Мунину, который не мог похвастать ни мускулатурой, ни боевыми шрамами, ни загаром. Он почувствовал укол ревности, оборвал на полуслове фразу о глиняных черепках древнего Вавилона и спросил у Клары:

– Ты обгореть не боишься?

– Я намазалась, – ответила Клара, погладив лоснящееся от крема татуированное бедро.

– Ты обгоришь, – настаивал Мунин. – Давай пересядем вон туда, под пальмы. – Он мотнул головой в сторону тенистых зарослей рядом с бунгалом.

– Это бананы, – сказал Одинцов, снова покосившись на парочку.

– А банан что, не пальма? – хмыкнул Мунин.

– Нет. Банан – это трава. На которой растут ягоды.

Между собой компаньоны говорили по-русски. Клара поняла только международные слова, но подтвердила на английском:

– Это не пальмы и вообще не деревья, это бананы.

Мунин заслуженно гордился своей феноменальной памятью и обширнейшей эрудицией, а здесь попал впросак. Причём подловил его не кто-нибудь, а Одинцов – выдавший виды солдат, но далеко не энциклопедист. Историк взялся за смартфон, и через считанные секунды интернет-поиск подтвердил, что банан – травянистое растение, а его плод – в самом деле ягода.

Получив чувствительный удар по самолюбию, всезнайка поспешил вернуться к разговору о керамике.

– Кстати, в городе Сузы... это километров двести от Вавилона, – небрежно пояснил он Одинцову, – нашли табличку с числом *ni*. Табличке три тысячи семьсот лет. Тогда считали, что *ni* – это двадцать пять восьмых. А сегодня как раз двадцать пятое августа, восьмой месяц. Получается снова день приближённого значения числа *ni*.

Одинцов нахмурился и сказал:

– Ты полегче. Это мы уже проходили, хватит.

На сегодня он запланировал важное дело, а дата, связан-

ная с числом *ni*, сулила только неприятности.

– Привет! – окликнула компанию Ева из дверного проёма бунгало.

Смоляную копну её курчавых волос пошевеливал морской бриз. Огромные синие глазищи глядели весело. Тёмная кожа эритрейской красавицы в свете тропического солнца отливала бронзой. Белый купальник был скромнее, чем у Клары, но тоже подчёркивал фигуру. В юности Ева блистала на подиуме – и отказалась от головокружительной карьеры манекенщицы, чтобы сделать не менее блестящую карьеру в математической аналитике. Теперь имя доктора Евы Хугин с уважением произносили коллеги по всему миру.

Ева подошла к шезлонгам и коснулась губами щеки Одинцова, который рывком встал ей навстречу.

– Привет, милый... Какая у нас программа? Уже придумали?

Мунин поспешил ответить:

– Нет, собирались как раз. Напоминаю, что мы знаем о Чанге. Тут в горах есть водопады, причём один – это целый каскад, пять штук. Есть школа обезьян, шоу показывают. Есть парк аттракционов с верёвочными лестницами, тарзанками, полосой препятствий и так далее. Вдруг кому-то интересно... – Историк взглянул на Одинцова. – Можно съездить на экскурсию в рыбацкую деревню. Можно полетать над островом на самолёте, копейки стоит. Можно квадроциклы взять в аренду и по джунглям прошвырнуться. Хра-

мов буддийских тут много, в каждой деревне свой. Кстати, есть православная церковь Сергия Радонежского. Мемориал героям битвы с французскими колонизаторами. Затонувший корабль для дайверов... В общем, скучать не будем.

– Шопинг, – добавила Клара. – Ты забыл шопинг.

– Ну да, шопинг, – согласился Мунин.

– Точно! – поддержала Ева и поправила купальник на груди. – Я скоро перестану в этом помещаться.

Одинцов кашлянул.

– Хм... Шопинг – само собой, но я что хотел сказать... – Это было как раз то важное дело, для которого он уже который день подбирал слова. В голову не приходило ничего путного. – Чёрт его знает, как правильно... Наверное, надо смокинг надеть, встать на колена... Но тут все свои – чего перед вами дурака валять? Я лучше по-военному... Ева! Выходи за меня замуж.

– Вау! – Обрадованная Клара подскочила в шезлонге.

Ева молчала. Наступившую тишину нарушал только едва слышный шелест волн у берега.

– Ева, ты выйдешь за меня? – выждав достаточно долго, повторил Одинцов стандартную английскую формулу, которая терпимо звучит в кино, а в жизни от неё скулы сводит.

Ева грациозно уселась прямо на песок и взглянула на Одинцова снизу вверх.

– Почему именно сейчас?

– Ну, как... По-моему, самое время. Раньше не до того

было.

– Ты предлагаешь пожениться, потому что я беременна?

Ева сказала о беременности полторы недели назад: раньше всей компании действительно было не до того. Но целых полторы недели Одинцов не заводил разговор о женитьбе.

– Такое надо сперва в голове уложить, – признался он. – Я обалдел, честно говоря. Всё-таки не мальчик уже...

Ева усмехнулась.

– Я тоже давно не девочка. Мне тридцать восемь лет. Обалдел он... А я не обалдела?! Как представляю, что скоро пузо начнёт расти, у меня мороз по коже. – Она снова поправила купальник на груди. – Но я не хочу, чтобы говорили, что ты женился на сорокалетней бабе из-за ребёнка. И сама не хочу так думать.

Одинцов помолчал ещё немного, сказал:

– Понятно, – и двинулся к морю.

– Народ, ну вы чего?! – подал голос Мунин.

Клара сердито ткнула его кулаком в бок, а Ева крикнула вслед Одинцову:

– Я не сказала «нет»!

– Ты не сказала «да», – пробурчал он, входя в кристально чистую воду. Из-под ног брызнули в стороны маленькие цветные рыбки.

– Жалеть не будешь? – спросила Клара у старшей подруги.

Ева вроде бы хотела ответить, но только надула щёки, с шумом выдохнула и перебралась в шезлонг Одинцова.

– А если он утонется? – неуверенно произнёс Мушин, глядя, как Одинцов гребёт прочь от берега. Женщины промолчали.

Потом Ева с Кларой и Мушиным тоже искупались, поглазели на рыбок и раковины; потом пили сок, лёжа в шезлонгах...

И тут появился Дефорж.

Глава II

Одинцов плавал долго, а когда всё-таки вышел из воды на берег, застал всю компанию в тени под бананами. Ева с Кларой сервировали стол, укрытый белой синтетической скатертью с кружевной кромкой. Муниин разжигал угли в мангале. Дефорж откупорил уже вторую бутылку французского вина и приветствовал Одинцова:

– Рад снова видеть!

В отличие от незваного гостя Одинцов совсем не обрадовался, но пожал протянутую руку, что-то проворчал в ответ и ушёл в бунгало.

После душа, надев под стать Дефоржу лёгкую белую рубашку-поло навывпуск и просторные светлые шорты, Одинцов появился у стола с бутылкой виски.

– Я могу составить тебе компанию? – спросил Дефорж.

Одинцов, стараясь не смотреть на Еву, молча показал два стакана, которые захватил из домика. Француз оценил его предусмотрительность. О толстые донца стаканов звякнул лёд; Одинцов щедро залил его скотчем.

– Угли готовы, – отрапортовал Муниин. – Что дальше?

– Будем делать ската на гриле, – улыбнулся Дефорж. Кроме вина он принёс в подарок плоскую местную рыбину размером с портфель.

Клара захлопала в ладоши:

– Давайте, давайте, давайте! Представляю, как это вкусно!

Одинцов отхлебнул виски, закурил и осведомился:

– Что празднуем?

– Нашу встречу. – Рукой со стаканом Дефорж обвёл всю компанию.

– Ага. Случайную встречу.

Понять сарказм Одинцова было несложно. С Дефоржем они расстались две недели назад в Лондоне при обстоятельствах, которые не предполагали нового свидания, тем более настолько скорого.

– Всё в мире неслучайно! – парировал француз и коротко повторил то, что успел рассказать компаньонам Одинцова. Оказалось, последнее время он работает в Таиланде. Недавний визит в Европу, где произошло знакомство с Одинцовым и его друзьями, занял всего несколько дней. А теперь Дефорж вернулся в Таиланд и продолжает собирать кое-какую информацию.

Одинцов недоверчиво приподнял бровь.

– Что может быть интересного для тебя – в Таиланде?! Туристический бум? Секс-индустрия? Операции по смене пола? Тайский бокс?.. Или камбоджийская наркомафия снова подняла голову?

– Всего понемногу, – сказал Дефорж. – Кроме разве что наркомафии.

– Угли сейчас прогорят, – напомнила Ева. – А мне голодать нельзя.

Дефорж залпом допил виски и пообещал:

– Через пятнадцать минут всё будет готово.

– Минут сорок, не меньше, – возразил Одинцов, – и готовить буду я.

Он вооружился широким японским шеф-ножом с кухни, подточил его о край фаянсовой тарелки и принялся ловко разделявать ската, по ходу дела обучая Мунина и Клару кулинарным премудростям.

– Для начала смотрим на брюшко. Оно должно быть белым. Если жёлтое – скат несвежий...

– Я его ещё живого купил и вёз во льду! – возмутился Дефорж. – А рынок в двух километрах отсюда.

Одинцов не отреагировал и продолжил орудовать острым ножом.

– Чёрную шкуру со слизью соскребаем, чтобы спинка стала чистой. Хвост полагается отрубить: он жёсткий, на конце игла... Это не едят. Теперь брюшко – вот так... – Он сделал разрез крест-накрест: поперёк и вниз до самого хвоста. – Все потроха в помойку, кроме печени. Она вкусная... Вообще у ската обычно только крылья жарят, а тушку или выбрасывают, или перемалывают с печенью в паштет, например. Но у нас тут почти полевые условия, блендера нет, зато едоков много, поэтому используем рыбу по максимуму...

Часть кулинарных ингредиентов привёз Дефорж, кое-что нашлось на кухне в бунгало. Из давленных зубчиков чеснока, густой сметаны, щепотки душистых трав, свежесжатого ли-

монного сока и соевого соуса получился неплохой маринад.

– У ската нет костей, только хрящи. Как у осетра. За это его хозяйки любят. – Одинцов подмигнул Кларе и сделал на крыльях рыбыны с обеих сторон по десятку надрезов от хребта до краёв. – Это чтобы маринад быстро и равномерно впитался.

Когда скат был обмазан, Одинцов сказал:

– Его бы теперь в холодильник на пару часов, но среди нас есть голодные... В советское время шутили, что китайцы утром сажают картошку, а вечером уже выкапывают. И когда их спрашивают: «Почему так быстро?» – отвечают: «Очень кушать хочется». Мы с вами в Индокитае. Сделаем по-местному, потерпим десять-пятнадцать минут.

Время ожидания компания скоротала за напитками и рассказом Дефоржа о тонкостях жизни в Таиланде: как вести себя с тайцами, как торговаться, куда съездить, на что стоит обратить внимание...

Одинцов припомнил Мунину бананы и отправил его к пальмам, которые росли поодаль, велел принести обломок ветки длиной ладони в две.

– Зачем? – спросил недовольный историк.

– Надо!

Мунин оставил на столе вино и поплёлся в рощу, а остальные затрепетали ноздрями, когда Одинцов пристроил на мангале здоровенного ската, втиснутого в решётку с зажимом.

– Жара не должно быть много, – сказал он Кларе. – Если можешь держать руку над решёткой пару секунд, значит, нормально. Рыба – продукт нежный. Готовится минут за пятнадцать. И переворачивать надо почаще.

Перевернув ската раза три-четыре, Одинцов смазал его с обеих сторон остатками маринада прямо через решётку. Мунин выполнил задание и глотал слюнки вместе с остальными: от мангала тянуло невозможно соблазнительным ароматом.

Одинцов быстро настругал пальмовую ветку на угли. Тлеющие стружки окутали рыбу сизым дымком.

– Подкоптить хочу немного, – объяснил Одинцов и ещё несколько раз перевернул решётку. Пятнадцать минут истекли, рыба была готова. Каждому досталась порция внушительных размеров.

– М-м-м... Объединение... – простонала Клара, отведав стряпню Одинцова, и Мунин поддакнул между большими глотками сухого вина:

– Угу... Фантастика... Можно, я завтра куплю ската и попробую повторить?

– Валяй, – разрешил Одинцов.

– Стоило бы добавить каперсов, – с видом парижского гурмана заметил Дефорж, – хотя и без них звезда «Мишлен» тебе обеспечена.

Одинцов ответил скромно:

– Я старался.

Со вчерашнего дня все только пили воду или сок и ели

фрукты. Влажная тридцатиградусная жара не способствует аппетиту, но ближе к вечеру он появился. Перед закатом вся компания снова была сыта.

День прошёл без дождя. Голубовато-белёсое небо постепенно сделалось розовым, а в седьмом часу вечера солнце красной каплей стекло в сиреневые облака над горизонтом.

– Здесь рано темнеет, зато ночи длинные, – сказал Дефорж. – Хорошо сидеть вот так в приятной компании...

На закате сработала автоматика, и со столба между двумя бунгало засиял небольшой прожектор, который выхватил из густеющей тропической тьмы пятно пляжа с шезлонгами.

В зарослях застрекотали цикады. Ева и Клара отправились в свои апартаменты переодеваться. Муниин без понуканий Одинцова быстро прибрал на столе и ушёл вслед за Кларой. Одинцов и Дефорж расположились в шезлонгах со стаканами виски, глядя на ночной залив: уже не золото солнца на голубом, но серебро луны на чёрном.

Они были похожи – двое мускулистых поджарых мужчин в возрасте за пятьдесят, разве что у Одинцова седина коснулась только пряди в аккуратной короткой причёске и половины левой брови, а Дефорж поседел полностью и стригся под машинку.

Одинцов знал, что французский гость раньше служил старшим офицером в разведке и теперь сотрудничает с международным детективным агентством «Чёрный круг». Это высочайший уровень: среди учредителей агентства числятся

бывшие министры нескольких стран и отставные руководители спецслужб. Контракты по миллиону евро для «Чёрного круга» в порядке вещей. Если Дефорж застрял в Бангкоке, значит, задача у него непростая. А если он разыскал компанию Одинцова – хотя пару недель назад они попрощались, чтобы никогда больше не встречаться, – значит, это зачем-то нужно «Чёрному кругу».

Во время лондонских приключений Дефорж выяснил, что только Клара путешествует под своим настоящим именем и со своим единственным паспортом гражданки Германии. Российские граждане Одинцов и Мунин пользовались паспортами Федерации Сент-Киттс и Невис, маленькой страны на Карибских островах. В дороге они играли роли отца и сына – Карла и Конрада Майкельсонов. У Евы, гражданки США, тоже был паспорт островной Федерации с другим именем. Компаньоны получили новые документы легальным путём – не придерёшься, но информация о том, кто есть кто, позволяла Дефоржу выследить компанию в любой точке мира.

– Зачем ты снова нас нашёл? – спросил Одинцов. – Про Философский камень мы рассказали всё, что могли. Дела с тобой закончили. Теперь просто отдыхаем и приходим в себя после Лондона. Специально улетели на край земли, а тут ты... со скатом. Что тебе нужно?

– Мне нужна помощь, – признался Дефорж и уточнил: – Мне нужна помощь срочно. Дай, пожалуйста, сигарету.

– Ты же не куришь, – удивился Одинцов.

– Чужие курю с удовольствием.

Когда Дефорж выудил сигарету из пачки, Одинцов протянул ему зажигалку.

– Это всё? Помощь можно считать оказанной?

– Не надейся. Дело действительно серьёзное, и я очень рассчитываю на твою троицу. Клара меня не интересует.

– Слава богу, – откликнулся Одинцов, – потому что Клара очень интересует моего друга. Нас не трое, нас четверо.

Француз не стал спорить.

– Хорошо, трое с хвостиком, – прикурив, кивнул он, и Одинцов мысленно снова проклял Мунина с его шуточкой о двадцать пятом августа.

Их троица становилась похожей на число π , когда кто-то четвёртый играл роль иррационального хвостика – набора цифр после запятой, превращавшего простую тройку в бесконечную дробь, которая лежит в основе мироздания. Дефорж угадал: сейчас эта роль досталась Кларе...

...а магия числа π чудесным образом помогала Одинцову, Еве и Мунину разгадывать многовековые тайны и выпутываться из безнадёжных передраг. Одинцов не верил в чудеса, но за последние полгода такого насмотрелся, что перестал иронизировать на эту тему.

Француз глотнул из стакана и затянулся сигаретой.

– Давай вспомним, что было в Лондоне...

Всего пару недель назад он познакомился с компанией

Одинцова и вместе с ними вступил в смертельную борьбу за Философский камень, который исцеляет от любых болезней и помогает изготовить эликсир вечной молодости.

Одинцов перебил:

– Мы имели дело с Философским камнем не по своей воле, никого не исцеляли и ничего не изготавливали. Скажу больше: мы даже близко не представляем себе, как это делается. Мы не медики и не фармацевты.

– Верю, – согласился Дефорж. – Но как-то уж слишком быстро вы перебрались в Таиланд. А это непохоже на случайность. Потому что здесь возникла проблема, связанная и с медициной, и с фармацевтикой.

– Понятия не имею, о чём ты. Таиланд мы выбрали случайно. Просто искали для отдыха место подальше...

– ...и очень кстати, – подхватил Дефорж. – Поможете разобраться, что к чему. В благодарность за Лондон.

– В Лондоне мы уже помогли друг другу. По-моему, в расчёте, – нахмурился Одинцов, но француз поднял руку с сигаретой:

– Момент! Вы мне помогли, а я спас вам жизнь. Согласись, есть некоторая разница.

– Мои друзья скоро вернутся, – напомнил Одинцов. – Чего ты хочешь?

Дефорж усмехнулся.

– Другое дело. Вот смотри. За последнее время в разных странах погибли очень важные люди. Вернее, одни сперва

как будто сошли с ума и потом погибли, а другие только сошли с ума. Но жить им осталось недолго. Я знаю, что если не все, то многие побывали в Юго-Восточной Азии, прошли медицинское обследование, вернулись домой и принимали определённые препараты. Вероятно, именно с этим связаны сумасшествие и смерть. Ещё раз: каждый псих и каждый покойник – люди очень важные. Очень! «Чёрный круг» наняли, чтобы разобраться: что произошло, почему произошло и чего ждать дальше. Времени в обрез. Надо подключать к работе твою троицу. Об условиях договоримся, бюджет у нас королевский...

– Нет, – коротко сказал Одинцов.

– Спросить ни о чём не хочешь?

– Не хочу.

– Может, всё-таки посоветуешься с друзьями? Моё предложение касается не тебя одного.

– Нет, – повторил Одинцов. – Ты зря тратишь время.

После отказа Евы на душе у него было так паршиво, что казалось, хуже и быть не может. Но Дефорж сумел сделать невозможное. Настроение Одинцова пробило дно и рухнуло в какой-то совсем непроглядный мрак.

Глава III

– Что за зверь? – спросил Одинцов у миловидной тайской девушки-портье, которая сияла широкой улыбкой из-за стойки регистрации в холле отеля.

Стойка упиралась в здоровенный аквариум. За толстым стеклом в голубоватой подсвеченной воде лениво передвигалось несуразное существо – жёлто-розовый то ли головастик, то ли тритон размером с маленькую кошку. Спину его покрывали тёмные пятна. Плоская лягушачья голова с бессмысленными глазами-бородавками и ртом, похожим на прорезь копилки, была приставлена к толстому телу. Из жаберных щелей в стороны и вверх загибались по три высоких малиновых рога с густой бахромой. Тело переходило в длинный хвост. Вдоль всей спины до кончика хвоста и снизу под хвостом тянулся широкий полупрозрачный плавник. Перепончатые лапки осторожно щупали мелкие камни, устилавшие дно аквариума.

Портье улыбнулась ещё шире:

– Это аксолотль. Саламандра или что-то такое. Очень модно сейчас. Хотите покормить?

Одинцов не хотел, а жителем аквариума поинтересовался для того, чтобы скрыть паршивое настроение и завести разговор. Но девушка уже протягивала баночку с кормом и вроде бы случайно коснулась его руки. Час от часу не легче...

Судя по гренадерскому росту, вызывающе высокой груди и совершенным чертам лица со жгучими раскосыми глазами, тайская кокетка вполне могла быть недавним юношей.

К достижениям пластической хирургии Одинцов относился терпимо и не лез в чужую личную жизнь. Мало ли у кого какие фантазии... Но терпимость имела границы. В своей личной жизни Одинцов оставался консерватором – с тех пор, как в детстве усвоил разницу между мальчиками и девочками.

Он сделал вид, что не заметил шалости портье, длинным пинцетом вынул из баночки комок извивающихся кроваво-красных червяков и опустил в аквариум перед носом аксолотля. Тот замер на секунду-другую, а потом бросился пожирать добычу, судорожно вздрагивая всем телом при каждом глотке.

Одинцов краем глаза видел, как портье любуется аксолотлем и непроизвольно сглатывает одновременно с ним. На шее у девушки двигался кадык. Вполне возможно, тайская красотка и в самом деле ещё недавно была юношей. Или даже частично им оставалась.

Дождавшись конца этой странной трапезы, Одинцов через силу отвесил портье комплимент:

– Ваша саламандра прекрасна почти так же, как вы. А я вот о чём хотел спросить...

Одинцову с компаньонами после предложения Дефоржа надо было на пару недель раствориться в тайской экзотике.

Слишком уж легко француз открыл карты. Рассказ о международной проблеме и заоблачном уровне клиентов, упоминание об огромных деньгах... Всё это здорово настораживало. Судя по такой откровенности, опытный разведчик решил, что троица уже в деле и никуда не денется. Пути назад отрезаны, осталось только заключить формальный договор.

Проще говоря, Дефорж выдвинул ультиматум. Одинцов не любил ультиматумов, и ему совсем не нравилось, что над компанией снова сгустились тучи. Что делать в такой ситуации? Срочно убираться из Таиланда – не вариант. И товарищи не поймут, и Дефорж либо помешает улететь, либо без труда снова их найдёт: Одинцов хорошо представлял себе возможности «Чёрного круга». Взять отсрочку, чтобы подумать, а дальше под разными предлогами тянуть с ответом, – детский лепет. Хотя подумать предстояло крепко. Почему они так нужны французам? И как от него отделаться?

Одинцов решил выиграть время. После встречи с Дефоржем он заглянул к портье, узнал всё, что его интересовало, и успел ещё многое сделать, хотя для этого пришлось основательно потратиться, а ночь провести почти без сна.

– Мы уходим в море! – объявил Одинцов своим спутникам, подняв их утром ни свет ни заря. – Круиз по Сиамскому заливу начинается через час.

Компания, конечно, поворчала спросонья, но больше для виду: идея всем понравилась. Мунин в импровизированном докладе о местных аттракционах упомянул, что лазурные во-

ды вокруг большого острова Чанг омывают целый архипелаг островов помельче, укрытых тропической зеленью и тонким белым песком, на который редко ступает нога человека. Туристические буклеты советовали добираться до ближайших островов на лодке, но это не шло ни в какое сравнение с круизом.

– Что-то я не вижу круизного лайнера, – сказала Ева, и Одинцов откликнулся:

– Лайнер уже в пути.

Вчерашнее сватовство никто вслух не вспоминал. Жизнь шла своим чередом. Компаньоны пили утренний кофе и завтракали свежими фруктами на пляже перед бунгало, когда в сотне метров от берега встала внушительных размеров белоснежная моторная яхта с высокой палубной надстройкой в кормовой части.

– Карета подана! – объявил Одинцов, довольный произведённым впечатлением. Шоу в школе обезьян, катание на квадроциклах и прочие дежурные радости окончательно померкли. Компаньонам не пришло в голову, что срочный отъезд – это побег от Дефоржа. Настроение у Одинцова стало выправляться.

Возле яхтенной кормы заурчала мотором лёгкая надувная лодка, и вскоре нос её с шорохом выполз на прибрежный песок. Из лодки босиком шагнул здоровенный детина лет сорока – бородатый, с татуировками на могучих загорелых плечах, в белой капитанской фуражке, белой облегающей май-

ке и просторных белых штанах капри с подмокшей нижней кромкой.

Когда детина подошёл к компании, Одинцов представил его:

– Это владелец яхты и наш гид мсье Леклерк.

– Если вы говорите «мсье», надо произносить «Лёклёр», – с ухмылкой откликнулся детина. – Так правильно по-французски. Но Леклерк тоже о'кей.

– Везёт нам на французов, – по-русски пробормотал Мунин. Вчера он заметил, как Одинцов недоволен появлением Дефоржа, хотя о причинах недовольства догадаться не мог. – Многовато их стало.

– Наверное, потому, что здесь была французская колония, – предположил Одинцов.

Мунин возмутился:

– Колония?! Ничего подобного! – Он перешёл на английский, чтобы Клара тоже понимала. – Таиланд – единственная страна Юго-Восточной Азии, которая никогда не была колонией. Французы захватили Лаос и Камбоджу, англичане – Мьянму и Малайзию. Окружили со всех сторон. Перешёл границу – и ты в Таиланде... Вернее, раньше говорили не Таиланд, а королевство Сиам. Но никто не стал его захватывать. А почему? – Историк оглядел слушателей. – Потому что смысла никакого.

Путешественники закончили завтрак и в лодке Леклерка переправились на яхту. Всё это время Мунин рассказывал,

что колонизаторов интересовали короткие морские пути через Индию в Китай и обратно. Но колонии хороши, когда они доступны, а Таиланд лежит в глубине Сиамского залива. Чтобы сюда попасть, надо отклониться к северу от стратегического направления и сделать большой крюк. Смысла в этом действительно не было: страна могла порадовать колонизаторов только обыкновенным рисом, дешёвой водкой и сушёной рыбой. Рудники, где по сию пору открытым способом добывают рубины и сапфиры, появились позже.

– У независимости Таиланда есть ещё одна причина, о которой все забывают, – увлечённо жестикулируя, говорил Мунин. – Дружба с Россией! Англичане и французы в конце девятнадцатого века договорились поделить Сиам. Но у короля Рамы Пятого были хорошие отношения с Николаем Вторым... Это последний русский император, – пояснил он на всякий случай для Леклерка и Евы, поскольку Клара имела представление о мировой истории. – Николай побывал в Сиаме ещё как царевич. Оставил королю на память двести русских гвардейцев, а король подарил ему две сотни сиамских кошек. Кстати, по всему миру они распространились именно из России.

Мунин рассказал, как спустя несколько лет англичане и французы всё же подготовили вторжение в Сиам одновременно с запада и с востока. Король Рама попробовал договориться о визите в Париж, но без успеха. Насчёт Лондона он тем более не питал иллюзий, поэтому отправился в Петер-

бург. Николай уже стал императором и, в отличие от западных европейцев, устроил Раме роскошный приём. Король вёл переговоры с министрами, посещал оперу и театры, ездил в роскошный Петергоф...

– Российские газеты так нахваливали Раму Пятого, что французы заволновались и решили всё же пригласить его к себе, – говорил Мунин. – В Париже королю пообещали не трогать его страну, потому что он дружит с императором Николаем. Англичане тоже передумали нападать на Сиам. Сын Рамы, который учился в Петербурге в военной академии, женился на русской. Даже тогдашний тайский гимн сочинил наш композитор, – объявил историк и подвёл итог: – В общем, на рубеже веков Россия спасла Таиланд от колонизаторов. Ну, а потом началась Первая мировая, и всем стало просто не до того.

Клара смотрела на Мунина влюблёнными глазами.

– Вы очень много знаете, – уважительно сказал Леклерк и вдруг, старательно произнося слова, спросил по-русски: – Русские, да?

Мунин запнулся, потому что не раз уже получал от Одинцова нагоняй за слишком длинный язык, а Ева тоже по-русски ответила:

– Русские, да.

В устах темнокожей красотки это прозвучало забавно. Клара и Леклерк рассмеялись, а Одинцов подумал, что здесь никому не важно гражданство. Паспорт Федерации Сент-

Киттс и Невис или паспорт Российской Федерации – какая разница на пляже, где все в трусах? Были бы деньги.

Приблизившись к яхте, моторная лодка совершила лихой вираж и застыла у кормы, где купальная площадка отлого спускалась к самой воде.

– Моя принцесса! – с гордостью сказал пассажирам Леклерк, объединяя ласковое прозвище с названием британской модели яхты.

Princess V40 смотрелась полноценным кораблём – метров пятнадцать в длину и четыре в поперечнике. Хищными обводами она походила на косатку, вынырнувшую из моря: сходство подчёркивали узкие чёрные полосы панорамного остекления по белым бортам. А настоящий восторг у компании вызвало нутро яхты, которое ни в чём не уступало шикарному двухэтажному гостиничному номеру.

Белая отделка выгодно оттеняла дубовые детали медового цвета. Везде, где только можно, зеркальные поверхности визуально добавляли простора и без того не тесным помещениям.

На нижней палубе гостей порадовал бар с диваном. Дальше в салоне располагалась обеденная зона и в углу – камбуз: полноценная кухня с плитой, духовкой и холодильником. Дубовый обеденный стол был намертво прикреплен к полу хромированной стойкой толщиной в слоновью ногу. По одну сторону от стола белел обширный диван, по другую на стене темнела огромная плазменная панель телевизора.

Ванную комнату с изящной дизайнерской сантехникой и остеклённой душевой кабиной назвать по-флотски «галлюном» язык не повернулся бы, как и окрестить «койками» кровати *king-size* в двух пассажирских каютах – перед машинным отделением и в носовой части.

Через длинные узкие стёкла кают – чёрные снаружи, но прозрачные изнутри – открывалась роскошная панорама моря всех оттенков синего цвета и вид на остров Чанг с полоской зелени над белым пляжем и туманными горами вдалеке.

Впрочем, компания собиралась проводить основное время не на нижней, а на верхней палубе, которая тоже вызывала восхищение. Всю корму занимала терраса в остеклённой надстройке с белыми диванами по периметру. Огромный люк на крыше создавал впечатление, будто терраса расположена под открытым небом. Опоры, которые поддерживали крышу, не мешали круговому обзору.

Там же, в надстройке – у правого борта, перед террасой – помещался капитанский мостик. Благодаря двум белым креслам и аккуратному рулю вместо штурвала он выглядел местом водителя спорткара класса люкс. Основное управление было сосредоточено на большом компьютерном экране.

Фóрдек – верхнюю палубу от капитанского мостика до самого носа – вся компания могла использовать как открытый солярий и свободно там разлечься. По бортам фордека сияло хромом высокое ограждение – перила-леерá на скошенных вперёд стойках.

С ночи небо затянуло дымкой облаков, теперь начал накрапывать дождь. Казалось, капитан был этому рад. Он плюхнулся в своё кресло, нажал какую-то кнопку на сенсорном экране – и люк с едва слышным шорохом тут же закрылся прозрачной крышей.

– Добро пожаловать! – широко улыбнулся Леклерк, обводя рукой диваны по бортам террасы.

– Встречный коктейль, – вполголоса напомнил ему Одинцов, и капитан принёс из бара ведёрко со льдом, где уже давно стыла бутылка шампанского.

Пока гости отмечали новое приключение перезвоном бокалов, Леклерк спустился на купальную площадку и лебёдкой втянул на неё лодку. Вернувшись на мостик, он запустил двигатели. Дотошный Одинцов, который за ночь успел узнать о «Принцессе» всё, сообщил компаньонам:

– Здесь два двигателя, по триста тридцать сил каждый. Когда волны нет, семьдесят километров в час выжимают без вопросов... Яхта – фантастика.

– Дорогая? – спросил Мунин у Одинцова, но первым ответил Леклерк:

– Триста тысяч. – Он сделал секундную паузу и добавил: – Британских фунтов.

Клара протяжно свистнула.

«Приврал, но не слишком», – подумала Ева, которая разбиралась в роскоши.

– Я имел в виду аренду, – уточнил Мунин.

– Не дороже денег, – усмехнулся Одинцов. – Захотелось кутнуть. Еда, вода, напитки – всё уже на борту. Чего не хватит, купим по дороге. Рыбы наловим... Вперёд, мсье Лёклер!

Капитан лихо козырнул: уговаривать его не пришлось. Под винтами за кормой вскипели буруны. Чуть приподняв нос, яхта резво понесла компанию прочь от берега.

Глава IV

Без малого неделю путешественники утюжили Сиамский залив между большими и малыми островами архипелага Чанг и вдоль побережья: на северо-запад мимо человеческого муравейника Паттайи, почти до устья реки Чау-Пхрая, на которой выше по течению стоит Бангкок, – и на юго-восток до границы с Камбоджей.

Яхта доставляла их в рыбацкие деревни – не парадные, для туристов, а настоящие. Там компаньоны прикасались к такому же настоящему, а не декоративным буддийским святыням. В море под умелым руководством Леклерка сами ловили рыбу. Ночевали на яхте. Загорали на необитаемых пляжах, когда позволяла погода, или медитировали под шелест дождя по стёклам яхтенной террасы, глядя на море...

Словом, это был настоящий отдых с полным отключением от привычной жизни. Отдых для всех, кроме Одинцова. Он продолжал крутить в голове давешний разговор с Дефоржем. Две недели назад француз и его британские коллеги после опаснейшей операции со стрельбой и человеческими жертвами велели беспокойной четвёрке немедленно покинуть Лондон. Теперь Дефорж не верил, что компания Одинцова оказалась в Таиланде случайно...

...а зря, потому что из Англии они улетели в Израиль. Там Ева объявила, что беременна, и прошла обследование в

перинатальном центре, пока Одинцов и Мунин занимались накопившимися делами. Сверх медицинских рекомендаций врачи посоветовали Еве в ближайшее время хорошенько отдохнуть и набраться сил. Всё же первые роды в тридцать восемь лет – не шутка. А вообще говоря, после пережитого в Кёльне и особенно в Лондоне отдохнуть не мешало всем.

Мунин тоже побывал в клинике: ему сделали операцию и выправили зрение. На радостях он предложил воспользоваться многообразием израильского климата и махнуть на самый север страны, где склоны горы Хермон укрыты снегом и круглый год катаются лыжники.

Эту мысль отвергли Ева с Кларой.

– В горах скучно и моря нет, – дружно сказали они, – а мы хотим купаться.

Белокожая Клара вдобавок мечтала позагорать, и не в Тель-Авиве, а на курорте – например, в Эйлате на самом юге Израиля. Бронзовая Ева опять возразила, но дело было не в загаре. Ей нравилось раз в три-четыре месяца перебираться с места на место – для отдыха и по работе. А врачи пообещали вскоре запереть её на полгода в четырёх стенах.

– Я ещё до родов с ума сойду, – жаловалась Ева, – и потом неизвестно сколько ждать, когда разрешат ездить с ребёнком. Давайте двинем куда-нибудь подальше, пока мне можно!

Денежные дела компаньоны привели в порядок, мир лежал у ног, оставалось выбрать направление. Они остерег-

лись лететь в Европу: недавние подвиги могли выйти боком. Россия и Северная Америка отпадали по схожим причинам. Одинцов предложил отправиться в Южную Америку – его не послушали. С Новой Зеландией и Австралией было решено не рисковать из-за причастности к гибели одного из лидеров тамошнего преступного мира. Африку забракowała Клара. Её родители-медики регулярно ездили на Чёрный континент с гуманитарными миссиями и при любой возможности таскали за собой дочку.

– Что-то больше не хочется, – призналась Клара.

О Таиланде заговорили, перебирая страны Азии.

– Туда зимой надо ехать, а не в сезон дождей, – напомнил Одинцов.

– В Таиланде другие дожди, – отмахнулась Ева, – не американские и не европейские. Подумаешь, поморосит немного! Зато не сухо и не слишком жарко.

Клара и Мунин поддержали Еву цитатами с туристических сайтов: Таиланд – это нежное море, ласковое солнце, горы фруктов, неповторимая экзотика... Вдобавок Мунин, который впервые оказался за границей всего месяц назад, произнёс восторженную речь об азиатских исторических и культурных ценностях. В конце концов Одинцову пришлось подчиниться воле большинства.

– Мы ещё Антарктиду забыли, – пробурчал он, когда решение было принято. – А её, между прочим, открыли русские двести лет назад. Вот уж где и не жарко, и океан под

боком! Если нас так интересуют история и культура, можем прокатиться по местам военно-морской славы...

Дефорж сомневался напрасно. Компаньоны выбрали Таиланд без всякого умысла, хотя между отлётом из Лондона и приземлением в Бангкоке действительно прошло всего две недели.

Рассказывать Еве, Мунину и Кларе о предложении француза Одинцов не спешил. Само собой, компания будет негодовать из-за того, что он без спроса ответил за всех сразу. Наверняка все трое потребуют нового свидания с Дефоржем. А хитрый француз при встрече напомнит, как спас им жизнь, и попросит о дружеской помощи в частном расследовании.

С Одинцовым этот номер не прошёл, но с остальными пройдёт запросто. Дефорж станет упираться на элементарную человеческую благодарность, исполнит гимн обширной эрудиции и фантастической памяти Мунина, наговорит комплиментов красоте и несокрушимой логике Евы, придумает в том же духе приманку для Клары... Само собой, компаньоны согласятся помочь. Тем более они уже в Таиланде, лететь никуда не надо, а француз просит лишь немного напярять уникальные мозги. Никто не послушает Одинцова, хотя он был готов перечислить веские причины для отказа.

Во-первых, раз Дефорж обратился за помощью, – значит, его здорово прижало. Погибли очень серьёзные люди. Не один – много. И погибли ещё. Но у таких людей и службы безопасности очень серьёзные. Почему они проморгали

смертельную угрозу? Или не проморгали, а не смогли с ней справиться? Так или иначе, случись что – компанию Одинцова раздавят и не заметят.

Во-вторых, есть старинная мудрость: меньше знаешь – дольше живёшь. Одинцов сразу сказал Дефоржу «нет», не выясняя подробностей дела. Достаточно того, что противник оказался не по зубам даже такому монстру, как «Чёрный круг». В последние полгода Одинцову приходилось часто вспоминать слова царя Соломона-Екклесиаста: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Чужие тайны не сулят ничего хорошего, и Одинцов отказался заключить опасную сделку.

В-третьих, его насторожило заявление Дефоржа о том, что для дела нужна лишь гениальная троица – Одинцов, Ева и Мунин, а Клара интереса не представляет. Такие, как Дефорж, готовы пожертвовать кем угодно: если он считает Клару балластом – она обречена. Одинцов не давал в обиду своих компаньонов, и эта милая разрисованная девочка теперь тоже находилась под его защитой.

А в-четвёртых, речь Дефоржа слишком напоминала классическое предложение, от которого невозможно отказаться. Француз явно был уверен в согласии компании, иначе сохранил бы в тайне даже то небольшое, что рассказал на пляже. Он дал понять, что сопротивление бесполезно и у Одинцова есть выбор: либо почётно капитулировать, либо бесславно сдаться. Дефорж предложил договориться по-хорошему,

посулил большие деньги, но держал в рукаве какой-то убойный козырь.

Гадать, что это за козырь, у Одинцова не оставалось времени. Доводы против сделки с Дефоржем имели серьёзный недостаток: их пока нечем было подтвердить. Поэтому пришлось второпях срывать с места, лишая француза возможности сразу сделать следующий ход.

В круизе Одинцов обдумывал контригру. Не привлекая внимания компаньонов, он перелопачивал интернет в поисках сведений о жертвах странной болезни, которых упомянул Дефорж. Заглянуть в сеть удавалось, когда яхта шла вблизи берега с вышками сотовой связи, а в море Одинцов под благовидным предлогом пару раз использовал спутниковый телефон Леклерка.

Русскоязычные ресурсы были скупы на информацию, у англоязычных дела обстояли немногим лучше. Важные персоны, которые сошли с ума или погибли за последнее время в разных странах, – слишком расплывчатая формулировка. Насколько важные? В каких странах? За какое время? О причинах исчезновения из публичного пространства и тем более о причинах смерти действительно важных персон масс-медиа либо плодят самые немыслимые слухи, либо многозначительно молчат.

Одинцову здорово не хватало феноменальных мозгов Евы и Мунина. Работая втрём, они набрасывались на любую задачу с разных сторон. Каждый шёл к решению своим путём,

генерировал собственные версии, делился с компаньонами информацией и догадками, а в результате вся троица приобрела *эмерджентные* свойства, которые давали *синергетический* эффект.

Заковыристые термины Ева объясняла так:

– Сумма свойств целого может превышать сумму свойств его частей. Например, молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода. У неё нет свойства влажности. У второй такой же молекулы нет свойства влажности. У третьей нет, у сотой нет, у тысячной... Но если налить воду в стакан – у молекул, объединённых в систему, влажность появляется. Это эмерджентное свойство. За счёт эмерджентности система резко повышает свою эффективность – и это уже синергия. Прорыв!

Каждый из троих компаньонов был уникален по-своему, а вместе они представляли собой нечто большее, чем сумма Евы, Мунина и Одинцова. Синергетический эффект, возникавший при объединении математика, историка и спецназовца, позволял решать задачи, которые казались неразрешимыми на протяжении многих веков.

Через два дня компаньоны словно почувствовали, как мучается Одинцов, и за утренним кофе сами вспомнили тему, невзначай подброшенную Дефоржем ночью на пляже.

Тогда француз выслушал отказ Одинцова, но уходить не торопился. Он прикурил новую сигарету и под стрекот цикад спокойно потягивал виски до возвращения Мунина с Кла-

рой и Евы. Все расположились в шезлонгах с бокалами вина, глядя на море, которое мерцало в темноте лунными бликами. Долгое молчание нарушил Мунин. Он погладил руку Клары и негромко спросил:

– О чём задумалась?

– О вечности, – ответила простодушная девушка. – Вот люди суетятся, учатся, строят карьеру, пишут диссертации, рожают детей, зарабатывают деньги, болеют, умирают... Их дети делают то же самое и умирают, потом их внуки, правнуки... А луна, вода и песок остаются прежними, как и тысячу лет назад, и миллион, и ещё больше, когда людей на свете не было. Человечества не было. И если даже людей снова не станет – луна, вода и песок никуда не денутся. Они будут здесь... только без нас. Они вечные. А мы – вот как эти искорки на воде. Вспыхнули на мгновение – и погасли.

– И что ты предлагаешь? Не рожать детей? – сердито спросила Ева, которая выхватила из всей речи только самое важное для себя.

– Нет, что ты! Обидно просто. Несправедливо. И глупо. Что-то делать, зная, что всё равно умрёшь... Детей рожать, которые тоже умрут... В чём вообще смысл?

Одинцов не стал вмешиваться. Разговоры о смысле жизни обычно заводят или подростки, или старики. Он давно вышел из подросткового возраста, хотя и стариком себя пока не считал. А юной Кларе тема была вполне к лицу...

...но Мунин упрекнул подружку: неужели это говорит бу-

душий археолог?! Ведь у человечества, в отличие от природы, есть история. Природа развивается с течением времени, но не оставляет ни культурных памятников, ни накопленного опыта. Она действительно существует без всякого смысла – просто как вещь в себе, – зато человек открывает всё новые и новые смыслы своего существования и ради них порой изменяет природу.

Философию историка неожиданно поддержал Дефорж:

– Отлично сказано! Правда, я поспорил бы с тем, что у природы нет смысла. Во-первых, мы – тоже часть природы. А во-вторых, может быть, нам только кажется, что смысла нет, потому что человек наблюдает за природой очень недолго – всего лишь на протяжении собственной жизни. Но скоро ситуация изменится в корне.

– Что вы имеете в виду? – не понял Мунин.

– Что люди скоро смогут жить вечно и наблюдать за природой сколько угодно времени, чтобы понять: есть у неё смысл или нет. Если, конечно, кому-нибудь это будет интересно.

Услышав о бессмертии, Клара и Мунин оживились, но Дефорж скомкал ответы на их вопросы и вскоре уехал. Одинцов отправился к портье – кормить аксолотля и срочно подыскивать яхту...

...а теперь оказалось, что историк всё ещё думал над словами Дефоржа. Накануне компании повезло выловить *группера* – морского каменного окуня килограммов на пятнадцать.

Леклерк приготовил рыбину по какому-то особому местному рецепту и отдельно засолил хвост. С утра Муниин хрустел обжаренным хлебом с ломтями окуня слабой соли, прихлёбывал кофе и рассуждал:

– По большому счёту перед человечеством стоят всего две проблемы. Первая, конечно, энергетическая. Без энергии никуда. Отопление, свет, электричество, транспорт... Нет энергии – нет жизни. Есть энергия – можно всех накормить, напоить, обжить всю земную сушу и мировой океан, а потом отправиться на другие планеты. Проблему с бесконечным запасом энергии мы решили, когда разгадали тайну трёх государей...

– Да ну?! – насмешливо изумился Одинцов.

– Зачем тогда Леклерк на заправке опять полтонны бензина в баки залил? – спросила Клара.

– Проблема решена в принципе, – поддержала историка Ева. – Уже понятно главное, осталось уточнить детали. Дальше – дело техники. Особенно после того, как мы разгадали тайну двух реликвий...

Леклерк слышал собеседников, поэтому они говорили намёками. Уточнением деталей, которые упомянула Ева, с весны занималась целая армия учёных по всему миру. Передать им разгадку тайны двух библейских реликвий компаньоны хотели после отдыха и урегулирования некоторых формальностей. С этой разгадкой доступ к неисчерпаемым источникам энергии, скорее всего, действительно становился делом

техники.

– Первая проблема в принципе решена, – повторил Мунин. – Но есть вторая. Конечность нашего существования. Человек смертен, и Клара права: как-то это неправильно. Зачем умирать, если можно жить вечно?

– Кто сказал, что можно? – спросил Одинцов, и Ева оголошила его встречным вопросом:

– А кто сказал, что нельзя?

Глава V

Дефорж подтвердил догадку Одинцова.

На следующий день он опять прикатил в отель. Только бунгало к этому времени были уже пусты: там остались кое-какие вещи, а компания улизнула.

Роскошная яхта – не иголка в стоге сена. Дефорж мог найти её по сигналу радиомаяка и догнать на вертолёте когда угодно. Одинцов это знал, но рассчитывал, что француз не рискнёт броситься в погоню, чтобы не насторожить беглецов...

...потому что на просьбу о помощи Ева, Мунин и Клара откликнутся лишь в спокойной обстановке. Если же их настойчиво преследовать, они почувствуют опасность. Пуганая ворона куста боится: компаньоны вспомнят Лондон, где едва не погибли совсем недавно, и вслед за Одинцовым откажутся сотрудничать с «Чёрным кругом».

Одинцов был прав – Дефорж именно так и рассуждал, но не погнался за ними по другой причине. Они ушли в море, желая выиграть время? Вот и хорошо. Дефоржу тоже требовались несколько дней, чтобы припереть Одинцова к стенке. Его не расстроили пустые бунгало: психи и покойники могли ещё чуточку подождать.

Ожидание в самом деле не затянулось. Одинцов нанял яхту на две недели, но компания завершила круиз к исходу ше-

стого дня – и без усилий со стороны Дефоржа. За этот короткий срок произошли вроде бы незначительные события, которым предстояло сыграть важную роль в судьбах компаньонов.

Во время путешествия Мунин снова и снова возвращался к мысли, которую Дефорж обронил на ночном пляже.

– Очевидно, вечная жизнь – это отсутствие смерти, – в очередной раз принялся рассуждать историк. – А что такое смерть?

Одинцов только хмыкнул. Уж он-то со своим боевым опытом знал о смерти не понаслышке.

Еве доводилось разрабатывать математические модели для ведущих биологов мира. Она дала ожидаемый ответ:

– С научной точки зрения смерть – это полное прекращение в организме биологических и физиологических процессов.

– Смерть – это конец жизни, – пожала плечами Клара, и теперь уже хмыкнул Мунин.

– Попалась! – объявил он подружке. – Хорошо, что Ева сейчас добрая. Раньше она тебя загрызла бы. Нельзя объяснить одно неопределённое понятие через другое неопределённое понятие. Мы ещё не договорились о том, что такое жизнь.

– Ну, знаешь... – Клара обиженно надула губки, а Мунин продолжал:

– Биология и физиология исчерпывали тему, пока не по-

явились нейросети. Шоу с Майклом Джексонном вышло, когда он уже умер. Физиологических процессов ноль, а на сцене – как живой. Нейросеть смоделировала его голограмму в движении... А Уитни Хьюстон? Там получилось ещё круче. С её голограммой выступала сестра. Дуэтом. Нейросеть воспроизвела уже не только пластику под старые песни, но и вокал. Песни были новые, а звучали так, что не отличишь. Для публики цифровая Уитни Хьюстон жива, танцует и поёт, как прежде.

– Не туда тебя понесло, – сказала Ева.

– Очень даже туда! – возразил Мунин. – Цифровая жизнь и смерть сейчас важны не меньше, чем материальные. Вы просто не хотите взглянуть на ситуацию по-новому...

Одинцов опять промолчал. Конечно, Дефорж имел в виду жизнь и смерть в самом привычном понимании, без компьютерных выкрутасов. Гибнут реальные люди. Но Мунин подальшую мысль: не вычислять вероятных жертв, а действительно подойти к ситуации по-новому и разобраться: почему трио так нужна Дефоржу именно в Таиланде?

Мунин тем временем был опьянён близостью Клары, свежим воздухом, азиатской экзотикой, роскошной яхтой и, конечно, хорошим вином. Историк минуты не мог усидеть на месте, без устали носился по островам, самозабвенно рыбачил, почти подружился с Леклерком...

...и по глупости лишился его симпатии после того, как за завтраком по-русски предложил *заморить червячка*.

– Заморить – это накормить или убить? – спросила Ева, которая слышала выражение, но не вполне понимала его смысл.

Мунин пустился в объяснения на английском, а помощи попросил у капитана, поскольку русский оборот был калькой с французского.

– *Tuer le ver*, – произнёс Леклерк, и Мунин подхватил:

– Вот! Это значит выпить рюмку алкоголя, но дословно – убить червя. Фраза появилась ещё в Древнем Риме. Там пили натошак спиртовую настойку горькой полыни для борьбы, пардон, с глистами. То есть в буквальном смысле убивали червяков. Ну, а потом что-нибудь съедали, ведь от спиртного сразу аппетит просыпается...

Историк помянул российскую поговорку: «Выпил утром – день свободен». Посетовал на то, что хорошая идея утратила терапевтический смысл, – и продолжил весело рассуждать о римлянах, которые покорили галлов. Может, он зря не учёл, что для обывателя галл – это француз. Может, перестарался с импровизациями насчёт русских обычаев и французской кухни. Может, Леклерку не хватило чувства юмора. Но в конце концов он принял историко-филологические упражнения Мунина за насмешки и обиделся.

Как ни странно, масла в огонь подлила Ева.

Сперва она очаровала Леклерка. Когда прекрасная эфиопка устраивалась в кресле слева от капитанского мостика или на фордеке, Леклерк не мог отвести взгляда от её фан-

тастических ног. И совсем растаял, когда Ева поинтересовалась французской книгой, которую он читал в свободное время.

– Это «Пятнадцатилетний капитан». Одна из моих любимых, – признался Леклерк. – У меня дома полное собрание Жюль Верна.

К его удивлению, американка Ева и немка Клара едва слышали о знаменитом писателе, который был хорошо известен россиянам Одинцову и Мунину.

«Принцесса» шла морем к очередному острову. Компанияны расположились на диванах террасы. Снаружи лил дождь. Люк на крыше палубной надстройки пришлось закрыть. За стёклами висела серо-голубая хмарь, и волны ударили в корпус яхты. Леклерк сидел за рулём-штурвалом; книга лежала на белой коже соседнего кресла. Ева взяла её в руки, полистала тонкими шоколадными пальцами, с любопытством взглянула на французский текст, густо пересыпанный цифрами, и спросила:

– Что здесь написано?

Желая развлечь скучающих дам, Леклерк пересказал эпизод со страницы, которая привлекла внимание Ева.

Коварный работороговец по кличке Негоро перехитрил главного героя и сумел изменить курс корабля. Улучив момент, он подсунул топор под *нактоуз* – ящик, в котором закреплён большой судовой компас. Тяжёлый кусок железа отклонил магнитную стрелку компаса. Пятнадцатилетний ка-

питан об этом не знал – и по неопытности долгое время вёл корабль в ошибочном направлении. Потом Негоро убрал топор, курс опять изменился – теперь уже на истинный, а в результате по воле злодея судно пришло не в Южную Америку, а в экваториальную Африку, где героев ждала смертельная опасность.

Еву заинтересовал трюк с изменением курса. Она взяла блокнот, вооружилась карандашом и расспросила Леклерка о подробностях, описанных в книге: с какой скоростью шёл корабль, сколько дней топор пролежал под нактоузом, как сильно была отклонена стрелка компаса, куда собирался попасть капитан и куда в результате попал...

Леклерк переводил текст, посмеиваясь: он не знал, что Ева – доктор наук и математический аналитик с международным именем. А она сделала кое-какие расчёты и объявила:

– Глупости пишет ваш Жюль Верн. Вы сказали, что корабль отправился из Новой Зеландии через Тихий океан в Чили, то есть на северо-восток. А из-за топора под компасом повернул на юг, потом на запад; обогнул Африку и, когда Негоро убрал топор, уже в Атлантическом океане взял курс на северо-восток и пришёл в Анголу. Но это невозможно. И до Атлантики корабль тоже добраться не мог. Потому что ещё перед тем, как топор был убран, этот ваш капитан привёз экспедицию почти на Южный полюс, в самый центр Антарктиды. Вот, смотрите!

Ева протянула Леклерку блокнот, исписанный вычислениями. Двухмачтовое судёнышко книжных героев размером ненамного больше «Принцессы» должно было оказаться посреди материка, укрытого панцирем полярных льдов двухкилометровой толщины при сорокаградусном морозе. Эскизные рисунки земного шара с маршрутом подтверждали правоту Евы. «Подводная лодка в степях Украины», – буркнул себе под нос Одинцов...

...а возмущённый Леклерк принялся спорить, размахивая ручищами. Казалось, он даже забыл о штурвале. В ответ на спокойные доводы Евы капитан распаялся всё больше и сыпал морскими терминами, но в конце концов сдался и поник.

– Глупости пишет ваш Жюль Верн, – повторила Ева без тени злорадства. – Сюжет хороший, только расчёты безграмотные. Негоро мог вывести корабль в Атлантику, хотя и с трудом, если бы сделал вот так... – Она показала карандашом столбики цифр и маршрут на рисунке. – А чтобы попасть в Анголу, надо было не убирать топор, а переложить его вот сюда. – Ева обворожительно улыбнулась. – Если бы вы считали так же плохо, как Жюль Верн, мы давно оказались бы не в Таиланде, а как минимум в Камбодже.

Ева не злорадствовала, но Леклерк смертельно обиделся за любимого писателя. Теперь даже ноги красотки не привлекали его внимания. А тут ещё Мунин добавил, что в начале писательской карьеры Жюль Верн трудился *литературным негром* у Александра Дюма. В понимании Леклерка ис-

торик мимоходом пнул сразу двоих знаменитых французов. Капитан снова, как в день знакомства, сказал ему:

– Вы очень много знаете. – Но те же слова, произнесённые сквозь зубы, прозвучали совсем с другой интонацией.

Всего за несколько дней двое компаньонов сумели добиться расположения Леклерка – и напрочь всё испортить. Быстрота и бестолковость этих событий стали для Одинцова неприятным сюрпризом, но настоящее удивление вызвала Клара.

Она примкнула к троице совсем недавно и не имела отношения к разгадкам тайны трёх российских государей или тайны двух ветхозаветных реликвий. Компаньоны повстречали Клару в одном из музеев Кёльна, где собирали сведения о Философском камне. Коротко стриженная рыжая студентка с пирсингом и татуировками завоевала сердце Мунина: историк влюбился с первого взгляда. А когда на троицу обрушилась череда смертельно опасных испытаний, Клара уже в статусе девушки Мунина рисковала жизнью наравне с остальными – и хорошо вписалась в компанию.

Еву подкупала искренность Клары. О таких говорят: что на уме, то и на языке. Какая женщина не мечтает о бесхитростной подруге?!

Мунин млел от того, что впервые в жизни у него появилась девушка. Независимая, симпатичная, весёлая, любопытная – и почти коллега, которая смотрела на него с восхищением. Вдобавок благодаря ей по статусу Мунин теперь

приблизился к Одинцову: у того была Ева, у историка – Клара.

Одинцов симпатизировал Кларе, но тем для разговора с двадцатилетней девчонкой не находил – до того момента, когда она спросила между делом:

– Кстати, вы у Леклерка татуировку видели?

При всей своей наблюдательности Одинцов не разглядывал внимательно здоровенного бородача. Если уж на то пошло, татуировки самой Клары выглядели куда интереснее. Она же проявила вполне понятное любопытство к живописи на могучих капитанских плечах. Изучив расплывшиеся от времени пятна рисунков, усеянные выгоревшими на солнце волосками, Клара обнаружила кое-что знакомое.

– Граната с горящим фитилём, – сказала девушка Одинцову. – Она старая, и ещё много всего вокруг, поэтому сразу не разобрать... У моего прадедушки такая же татуировка была.

Одинцов незаметно для Леклерка проверил наблюдение Клары. Его удивило не то, что она правильно назвала гранатой старинное ядро, темневшее на плече капитана: всё же девушка училась на археолога. Удивила граната с семью языками пламени – эмблема французского Иностранного легиона.

Из опыта военной службы Одинцов знал, что легионеры по уставу носили значок с изображением полыхающей гранаты на правой стороне зелёного берета – и уже не по уставу, а по традиции кололи эмблему на правом плече.

Тот, кто поступил в Легион только затем, чтобы увильнуть от тюрьмы или получить гражданство Франции, татуировку не делал. После демобилизации такой легионер обзаводился новыми документами, и очевидный след прошлого на собственном теле был ему не нужен: службу старались не афишировать. Значит, Леклерк провёл в рядах Легиона достаточно много времени, а службой гордился.

Татуировка могла объяснить и то, почему капитан живёт в Таиланде. Романтика, легенды... Страны Индокитая – места высочайшего расцвета боевой славы легионеров, но воевать здесь Леклерк не мог: главные сражения отгремели, когда он ещё не родился.

Сейчас во французском Иностранном легионе трудно встретить немцев, зато после Второй мировой бывшими солдатами вермахта укомплектовали чуть ли не половину подразделений. Немцы шли в легионеры от безысходности: на родине и в других странах им не очень-то радовались, а колониальные войны требовали пушечного мяса.

– Прадедушка не был военным преступником, – говорила Клара. – Его забрали в армию под конец войны. Во Франции он попал в плен. А дальше просто не знал, что делать. Здоровый парень, совсем молодой; Германия разгромлена и разрушена, родственники погибли, возвращаться некуда, работы нет...

Клара мало что помнила из рассказов старика-легионера, которому в пору их общения перевалило за восемьдесят. Да

и вряд ли он делился чем-то действительно важным с маленькой девочкой. Но её память сохранила выцветшую эмблему, татуированную на шершавом плече прадеда.

Мунин тоже заинтересовался Иностранным легионом. Для историка из России старинная граната – правда, не с семью, а с тремя языками пламени – до сих пор обозначала только лейб-гвардии Преображенский полк Петра Первого. Внезапная болезнь помешала проявить интерес к Легиону по-настоящему: Мунин слёг с лихорадкой.

Круиз пришлось прервать. «Принцесса» в это время была заметно дальше от Бангкока и даже от Паттайи, чем от острова Чанг.

– Возвращаемся на базу, – скомандовал Одинцов, и Леклерк направил яхту к острову.

Глава VI

– Денге? – спросил Одинцов у врача, который смотрел на него снизу вверх через толстые стёкла больших очков.

Таец был невысоким, щуплым, взъерошенным и походил на школьника, стащившего у взрослых медицинский халат. Он поджал губы и сухо сказал:

– Мы предпочитаем называть болезнь вашего сына тайландской геморрагической лихорадкой, мистер Майкельсон.

– Хреново, – пробормотал Одинцов себе под нос.

Лихорадку денге он распознал по симптомам. В пути до Чанга температура у Мунина подобралась к сорока градусам; его трясло и тошнило, на коже проступила сыпь, лимфатические узлы распухли... Одинцов подумал, что на острове может не оказаться медиков нужной квалификации. Поэтому Леклерку было велено править сразу на материк: в десятке миль от Чанга через пролив располагался Трат – местный промышленный центр и столица провинции.

Врачи запретили женщинам сопровождать Мунина в инфекционное отделение, но с грозным Одинцовым предпочли не связываться. К тому же он убедительно играл роль Карла Майкельсона – отца приболевшего Конрада Майкельсона – и щедро подкрепил наличными просьбу скорее поставить мальчика на ноги, а ушёл, только убедившись, что Мунин окружён заботой.

Клара заглядывала Одинцову в глаза и спрашивала сквозь слёзы:

– Это очень опасно, да?

– Это вирус? Мы тоже могли заразиться? – беспокоилась Ева; для неё сейчас важнее всего было здоровье будущего ребёнка.

Одинцов успокаивал обеих, как мог. Объяснял, что историк не заразен, потому что вирус денге переносят комары. Твердил, что болезнь опасная, но излечимая. Мунин лежит под капельницей в отдельной палате, за ним круглые сутки присматривают и ухаживают по первому разряду...

– Колют антигистамины, чтобы слизистая не отекала, – говорил Одинцов. – Болеутоляющее, потому что страшно ломит суставы. Добавляют витамины, конечно: это в любом случае пригодится. Соки дают, молоко... В общем, Клара, кончай хоронить своего парня! Мы скоро на вашей свадьбе плясать будем.

Тут Одинцов осёкся и украдкой бросил взгляд на Еву. Она то ли пропустила слова о свадьбе мимо ушей, то ли сделала вид, что не расслышала. После объяснения на пляже оба вели себя так, будто ничего особенного не произошло. Одинцов позвал замуж, Ева отказалась... Пустяки! Дело житейское, как говорил персонаж двусмысленной детской сказки.

Клара шмыгнула покрасневшим носом.

– Мы не хотим жениться. Хотим просто жить вместе.

– Вот и живите, – тут же согласился Одинцов, уходя от

щекотливой темы.

Он снял три номера в приличном отеле неподалёку от больницы...

...и уже на следующий день во время завтрака у стола компаньонов невесть откуда возник Дефорж. Увидав его, Одинцов вспомнил дурацкую шутку Мунина по поводу дня приближённого значения числа π , подумал о нынешней дате и мрачно усмехнулся.

– Ну, конечно. Первое сентября, день знаний! А кто умножает знания – умножает скорбь...

– Увы, – подтвердил француз. Он сел на свободное место за столом и действительно не добавил веселья, когда без предисловий объявил Кларе: – Тебе надо лететь к родителям. Срочно.

– Зачем? – удивилась девушка.

Одинцов сразу понял зачем. Рассуждая на пляже о том, что Клара его не интересуется, Дефорж соврал. Она и есть тот самый козырь, который француз приберёт на случай, если трио откажется от сотрудничества. Значит, решил больше не тянуть...

– В Зимбабве связь ужасная, – запоздало предупредил Дефорж, когда Клара сделала несколько безуспешных попыток дозвониться до родителей.

– А вы откуда знаете? – Она взглянула на него в упор. – Откуда вы вообще знаете моих родителей? И откуда вы знаете, где они?

– Сами сказали. Я разговаривал с ними вчера.

По словам француза, родители звонили Кларе уже не первый день, но её мобильный не отвечал. Видимо, яхта забира-лась в совсем дикие места. Тогда родители позвонили в отель с просьбой сообщить дочке, что её разыскивают. Управля-ющий отеля дал им номер Дефоржа – единственного, кто успел навестить компанию. Они с трудом дозвонились и рас-сказали, что происходит. Дефорж пообещал помочь; ночью выяснил, что яхта пришла в Трат, ранним утром прилетел сюда на вертолёте из Бангкока. О том, что Муни-н в больни-це, а остальные поселились в отеле по соседству, он узнал от Лёклера. Французскую фамилию капитана Дефорж про-изнёс правильно.

Для Одинцова складная с виду история была шита белы-ми нитками. Ева тоже недоверчиво глядела на француза, хо-тя и не понимала, в чём подвох, а Клару заботило другое.

– Что случилось у родителей? – спросила она, и Дефорж ответил:

– Заболели. Оба. Я не врач, деталей не знаю. Хотят видеть дочку. Очень ждут. Из Бангкока есть рейсы до Хараре, там встретят сотрудники миссии... Собирайся, я отвезу тебя в аэропорт.

– У меня же почти все вещи на Чанге остались, – расте-рянно сказала Клара.

– Значит, соберёшься быстрее, а вещи мы постережём. – Одинцов перевёл тяжёлый взгляд на Дефоржа: – Только в

аэропорт я сам её отвезу.

– Дотуда триста километров. У меня вертолёт. Часа полтора – и девочка на месте.

– Мы как-нибудь на машине доберёмся, – сказал Одинцов. – Тише едешь – дальше будешь.

– По здешним дорогам это полдня, – предупредил Дефорж.

– Мы едем на машине. Без вариантов.

– Хорошо. – Дефорж поднялся из-за стола и положил перед Одинцовым визитную карточку. – Здесь мой телефон и адрес в Бангкоке. Буду рад видеть... Приятного аппетита!

Продолжить завтрак после ухода француза смог только Одинцов.

– Ты ничего не хочешь рассказать? – спросила у него догадливая Ева.

– Не хочу, – честно признался Одинцов и добавил: – Но должен. Расскажу позже.

В Трате нашлась компания, которая давала напрокат вполне приличные автомобили. Из вещей у Клары было только то, что она захватила с собой в рюкзаке на яхту: времени на сборы действительно не потребовалось...

...и к полудню Одинцов уже сидел за рулём почти новой «тойоты». Клара заняла пассажирское место рядом, а Ева устроилась на заднем сиденье. Оставлять её без присмотра Одинцов не хотел: кто знает, чего ещё ждать от Дефоржа? Очень кстати Ева сама заявила, что тоже поедет в Бангкок.

За безопасность Мунина можно было не волноваться. Историк едва жив, а французу нужна вся троица в дееспособном состоянии. Значит, он заинтересован в том, чтобы Мунин как можно скорее поправился, и не причинит ему вреда.

На тайские дороги Дефорж грешил напрасно. Здешнему асфальту могли позавидовать в большинстве городов России, но для интенсивного движения не хватало полос. Одинцов относился к правилам уважительно и к тому же вёз ценных пассажиров, зато другие водители чувствовали себя куда вольготнее. Туристические автобусы всех размеров и мастей, казалось, вышли на маршрут с единственной задачей – мешать друг другу и всем вокруг. Между ними с треском и едкой вонью выхлопа бесстрашно сновали трёхколёсные мотоповозки *тук-тук*: впереди – водитель на мотороллере, а за его спиной – кузов, перегруженный пассажирами или огромными полотняными тюками.

Движение то и дело тормозили пробки. Два самых продолжительных затора случились, когда грузовой тук-тук перевернулся, вывалив поперёк дороги стог сена с увесистыми корягами вперемешку, и когда к потоку машин откуда-то вышел флегматичный слон с обрывком цепи на ноге.

Ехал Одинцов действительно небыстро, и путь из Трата до аэропорта в Бангкоке занял около пяти часов. За это время Ева успела по телефону забронировать для Клары билеты на самолёт, а сама Клара после множества попыток всё же дозвонилась в Зимбабве.

Хоть о чём-то Дефорж сказал правду: связь работала отвратительно. Кларе приходилось кричать, чтобы её услышали, и переспрашивать через слово. Разговор несколько раз обрывался. В результате Клара узнала только, что после вакцинации мать с отцом заболели.

– Зачем понадобилась вакцинация? – недоумевала она. – У родителей сделаны все прививки, они же постоянно в Африку ездят...

Шоссе вело к столице с востока. Новый международный аэропорт Суварнабхуми тоже расположен у восточной окраины: Одинцову не пришлось проезжать через город. Но перед тем, как свернуть к аэропорту, он притормозил у магазина электроники.

В магазине ослепительно голубой свет галогеновых ламп заливал множество стеллажей и витрин, переполненных всевозможными гаджетами. При случае Одинцов охотно провёл бы здесь денёк и всласть покопался в новейших разработках китайских инженеров. Но сейчас его интересовали только миниатюрные видеокамеры. Перебрав десятка два моделей, Одинцов остановил выбор на устройстве размером с мелкую монету, которое легко маскировалось под брошку или пуговицу и позволяло вести съёмку, не привлекая внимания.

– Это вроде автомобильного регистратора, – объяснил он Кларе. – Снимает всё, что попадает в объектив, и особенно то, чего ты не заметила. Будешь отправлять мне файлы съёмки. Ищи возможность, даже если связь плохая.

– Что за шпионские игры?! – фыркнула девушка.

Ева пришла на помощь Одинцову:

– Ты же знаешь, у него пунктик на безопасности. Вдруг тебе или родителям какая-то помощь понадобится... Пришлешь видео, чтобы на пальцах не объяснять.

Аэропорт Суварнабхуми напоминал фантастический крытый город из бетона, стекла и стали, кишевший толпами людей со всего мира. Одинцов доставил туда своих спутниц задолго до вылета. После перекуса в местном ресторанчике он показал Кларе, как пользоваться камерой, а Ева научила подружку естественно поворачиваться во все стороны, чтобы камера могла снять то, что происходит вокруг.

Наконец, Клара ушла на паспортный контроль. Одинцов старался выглядеть весёлым. Он покрутил на пальце ключи от машины, как таксист-кавказец на южном российском курорте, и спросил игриво:

– Куда поедем, красавица?

– Никуда, – ответила Ева. – Мы никуда не поедем, пока ты не объяснишь, в чём дело. И я снова проголодалась. – Она кивнула на ближайшее кафе. – Идём. Я буду есть, а ты рассказывать.

Одинцов помотал головой.

– Не здесь. Потерпи до ресторана.

– Какого ресторана?

– Понятия не имею. Выберешь в Бангкоке любой... Или вот что: давай спросим Дефоржа.

Одинцов набрал номер с визитной карточки француза. Пришла пора серьёзно поговорить.

Дефорж этого звонка ждал и ответил мгновенно:

– Ресторан? Хорошая мысль! Я вас приглашаю, всё-таки вы – гости, а я уже почти местный... Отель «Парк Хайатт». Это в самом центре, но пробок сейчас нет, по скоростной доедете минут за двадцать. Поднимайтесь прямо на крышу, там шикарный бар с грилем. Всё, я вас жду!

– Мы снова влипли? – спросила Ева по пути к машине.

– Влипли, – подтвердил Одинцов.

Глава VII

С высоты больше чем в сотню метров – сквозь защитные стёкла, которые окружали террасу на крыше отеля, – открылся вид на весь Бангкок.

Жара ушла вместе с солнцем, и сумерки превратили город в причудливое панно из мерцающих разноцветных огней. Темноту неба подчёркивало сияние десятков окрестных небоскрёбов. Над ними сигарным дымом клубились тучи, но дождя не было.

Открытая терраса походила на живописный парк: она купалась в зелени кустов и деревьев, поднимавшихся из массивных каменных кадок. Сходства добавляли высокие тонконогие фонари с круглыми плафонами, которые разгоняли мрак уютным тёплым светом.

Одинцов с Евой вышли на крышу. Миниатюрная хостесс наклонила голову к рукам, сложенным лодочкой.

– Простите, у нас нет свободных мест.

– Мы приглашены, – сказал Одинцов: он уже заметил Дефоржа за столом в глубине террасы, возле большого аквариума.

Устроившись в лёгком плетёном кресле из ротанга, Одинцов огляделся.

– О, старый знакомый! – Он кивнул на аквариум: там среди водорослей на дне замер аксолотль. – В отеле на Чанге

такой живёт.

Дефорж откликнулся со знанием дела:

– Они сейчас в моде по всему миру. У аксолотля поразительные способности к регенерации. Ящерица отращивает себе новый хвост, а он может отрастить вообще любую утраченную конечность. Или присоединить часть другого аксолотля. Даже голову. Может вырастить себе новый мозг. Некоторые учёные говорят, что если сложить в миску обрубки аксолотлей – при определённых условиях они срастутся в полноценную особь.

– Не пытайся испортить мне аппетит, – посоветовала Ева. – Ничего не получится.

– Интересное у тебя хобби, – добавил Одинцов. – Я слышал, что французы любят лягушек, а ты, значит, пошёл ещё дальше?

Дефорж не обиделся на грубоватую шутку.

– Это не хобби, это работа. Сейчас она имеет отношение к саламандрам. Вам тоже придётся кое-что уяснить, потому что саламандры связаны с нашей общей задачей.

На недолгом пути от аэропорта Одинцов рассказал Еве о предложении Дефоржа и выслушал ожидаемые упрёки в том, что принял решение за всю компанию. Объяснять, почему он так поступил, уже не было времени, а главное – не было смысла: отсрочка закончилась, и троице предстояло помогать Дефоржу, хотя бы они того или нет.

– Давай к делу, – сказал Одинцов. – Клару мы проводили.

Что с её родителями?

Дефорж развёл руками.

– Я же говорил: я не врач. Но врачи тоже пока затрудняются с диагнозом, и скоро вы поймёте почему. Родителей пришлось использовать, чтобы девушка вам не мешала и чтобы вы стали сговорчивее. У них возникли... гм... своеобразные проблемы со здоровьем...

Одинцов понимал, что это не личная инициатива Дефоржа. В считанные дни организовать диверсию на другом континенте можно было только при поддержке руководителей агентства «Чёрный круг». То есть принуждение троицы к работе согласовали на самом верху.

– Буду откровенен: как только Клара доберётся до Хараре, она разделит участь родителей, – продолжал француз. – Спасти эту семью теперь можете только вы.

– А если мы откажемся? – спросил Одинцов.

– Значит, жертва будет напрасной. Девушка умрёт, ваш коллега найдёт себе новую, только и всего. Но вы этого не допустите, потому что, если я не ошибаюсь, у вас есть кое-какие принципы. А я не ошибаюсь, ведь так?.. Времени мало. Чем быстрее и эффективнее пойдёт работа, тем выше вероятность, что всё закончится благополучно.

Синие глаза Евы потемнели от ярости. Она повернулась к Одинцову.

– Ты не хочешь ему что-нибудь сломать? Я разрешаю.

– Соблазн велик, но делу это не поможет, – ответил Один-

цов, и Дефорж благодарно кивнул.

– Я надеялся на твой здравый смысл. Профессионал всегда поймёт профессионала. Когда есть задача, для её выполнения хороши любые средства.

– Профессионалы бывают разные, – процедил Одинцов, а разозлённая Ева бросала французу упрёк за упрёком:

– Клара ещё совсем девчонка. Ты не имел права её трогать! Родители вообще ни при чём. Но теперь все они – заложники. Так только гангстеры поступают!

– Говори тише, – поморщился Дефорж. – Люди пришли сюда поесть и отдохнуть... В Лондоне я тоже поступил, как гангстер, чтобы спасти твою жизнь, но тогда это тебя вполне устраивало.

Одинцов не дал Еве возразить и спросил Дефоржа:

– В чём конкретно состоит наша задача?

– Вот это уже деловой разговор... Может, сперва закажем что-нибудь? Здесь готовят очень хорошо, но долго.

– Возьми мне стакан воды, – велела Одинцову насупленная Ева, – и не позволяй ему платить.

Когда официантка отправилась выполнять заказ, Дефорж предупредил:

– Я расскажу только самое основное. С историей и подробностями будете разбираться все вместе, когда ваш товарищ придёт в себя.

Дефорж начал с азиатской медицины, существующей тысячи лет. Её успехи окружены невероятными легендами,

часть из которых – правда. Сейчас в Юго-Восточной Азии сконцентрировано великое множество лабораторий, исследовательских центров и клиник. Диапазон широчайший: от методов древних целителей до применения ультрасовременного оборудования и разработки уникальных лекарственных препаратов.

Конечно, шарлатаны здесь – не редкость, но хватает и добросовестных специалистов, среди которых встречаются действительно выдающиеся учёные. Они получают прорывные результаты, соединяя опыт прошлых веков с последними достижениями науки.

– В наши дни любое серьёзное открытие становится достоянием всего научного сообщества, – говорил Дефорж. – И чем дальше, тем быстрее это происходит. Но мало сделать открытие, надо ещё научиться его использовать, то есть разработать определённые ноу-хау.

Он упомянул, что эти ноу-хау применяются в лучших клиниках и приносят владельцам астрономические доходы. Разработки засекречены так же тщательно, как имена пациентов. А среди них – руководители многих стран вплоть до первых лиц, крупнейшие банкиры, бизнесмены и мировые знаменитости.

– Такое положение дел вполне устраивает компании, в которых застрахованы эти люди, – говорил Дефорж. – Когда у сверхважной персоны случается проблема со здоровьем, страховые выплаты сопоставимы с бюджетом неболь-

шой страны. Но поскольку клиент следит за собой, вероятность проблемы крайне мала, и страховщики спокойно собирают взносы в уверенности, что возвращать ничего не придётся.

Дефорж посетовал, что это спокойствие омрачает одна деталь: та самая секретность работы клиник. У страховых компаний нет полной информации о процедурах, которым подвергают их клиентов. До поры с этим приходилось мириться, но события последних месяцев здорово встряхнули страховщиков.

В «Чёрный круг» обратилась крупнейшая в мире страховая группа *INSU*. В силу понятных причин большинство супертяжеловесов бизнеса и политики застрахованы в её отделениях.

– Я не назову имён, для вас они роли не играют, – сказал Дефорж. – И не советую пытаться выяснить, кто эти люди. Будем называть их жертвами. Все жертвы под большим секретом бывали в местных клиниках. Все жертвы регулярно получали инъекции особого препарата. У кого-то курс начался лет пять назад, у кого-то – год. Но у всех возникли одни и те же проблемы со здоровьем. Причём проблемы фатальные.

По словам Дефоржа, сперва жертвы жаловались на озноб, изжогу или судороги. Это симптомы отравления, но ни в одном случае медики не смогли поставить диагноз, а симптоматического лечения оказалось недостаточно.

Следующей проблемой стали кошмары. Люди с несокрушимой психикой, которые шутя переживали экономические кризисы, дефолты и революции, вдруг начинали бояться сказочных чудовищ и теряли рассудок от детских страхов...

...а под конец все жертвы внезапно впадали в ярость – с той лишь разницей, что агрессия направлялась либо на ближайшее окружение, либо на себя самих.

– Покалеченные родственники – это полбеды, – сказал Дефорж. – Настоящая беда в том, что большинство жертв покончили с собой. Кто-то выбросился из окна, кто-то утопился или застрелился. Некоторые придумали более экзотические способы, но я не хотел бы говорить о них за столом. Те, кто пока живы, впали в полное безумие от ужаса. Их глушат лошадиными дозами транквилизаторов, но это не помогает, и они находят возможности свести счёты с жизнью.

Дефорж добавил, что страховщики теряют уже не сотни миллионов, а миллиарды долларов. Группа *INSU* готова заплатить «Чёрному кругу» любую сумму, лишь бы уйти от банкротства. Поэтому бюджет операции в самом деле королевский, о чём и было сказано ещё неделю назад.

Ева прервала монолог язвительной репликой:

– То есть тебя с твоим агентством интересуют деньги, а на людей вам плевать.

– Ошибаешься, – спокойно возразил Дефорж. – Деньги нас интересуют во вторую очередь. А в первую – именно люди. Только не жертвы и не страховщики, а такие, как мы с

вами, как они... – Француз показал через плечо на посетителей за соседними столами. – Постарайтесь понять, что происходит. Мир на грани катастрофы. Исчезает верхушка общества – не в одной стране и даже не в одном регионе, а везде. Рвутся глобальные деловые связи, рушится политическое устройство, разваливается мировая финансовая система – и наступает полный хаос. Можно что-то подхватить и наладить заново в отдельной области, но сейчас человечеству нанесён удар сразу по всем болевым точкам.

– Я так и не понял, при чём тут саламандры и чего ты от нас хочешь, – подал голос Одинцов.

– Терпение, мой друг, терпение! – усмехнулся Дефорж. – Ты ведь любишь восточную философию? Помнишь, наверное, что Конфуций брал в ученики только того, кто по одному углу квадрата способен додуматься до трёх остальных... Родителям Клары вкололи такой же препарат, как и другим жертвам. У них уже начались похожие проблемы. В основе препарата – вытяжка из внутренних органов саламандры. Кларе сделают инъекцию, когда самолёт сядет в Хараре. Значит, скорее всего, она тоже станет жертвой... Или не станет. Может, ей просто повезёт, а может, вы успеете её спасти.

Логика Дефоржа была проста. Утопающий хватается за соломинку – теперь эта житейская мудрость в равной мере касалась и «Чёрного круга», и троицы.

– У меня есть море информации, есть люди, есть неограниченное финансирование, но нет ни одной толковой идеи, –

признался Дефорж. – И нет никого, кто по одному углу додумается до всего квадрата. Я топчусь на месте, а в Лондоне вдруг встречаю вашу странную компанию. Выясняется, что вы всего за полгода умудрились раскрыть несколько великих тайн древности. Я видел вас в деле и навёл дополнительные справки. Каждый из вас – хороший эксперт в своей области, не более того. Но вместе вы – как бы это сказать? – необычным образом взаимодействуете с мирозданием. Все делают это на одной волне, а вы на другой. Трюк не поддаётся рациональной оценке, но результаты поразительные... Ты упрекнула меня в том, что я нарушаю правила, – обратился француз к Еве. – Да, нарушаю. У футболистов это называется «фолом последней надежды».

Оказавшись в безвыходном положении, Дефорж сделал так, чтобы и троице некуда было деваться. Теперь Мунины горы свернёт, чтобы спасти Клару, а Ева с Одинцовым станут ему помогать.

– «Чёрный круг» обеспечит вас прикрытием, транспортом, деньгами, связями, чем угодно, – добавил Дефорж. – Вы получите доступ к любой информации, которую мы сможем предоставить. Главная задача – выяснить происхождение препарата, который вводили жертвам, и найти его создателя. Автора ноу-хау.

Ева невольно посмотрела в сторону аквариума с аксолотлем, а Одинцов нахмурился.

– Погоди. Самых важных людей в мире кололи какой-то

дряню, но до сих пор неизвестно, кто её варит?! Чем ты тогда вообще занимался?

– Мы договорились обсудить подробности позже, – поиграв желваками на скулах, напомнил Дефорж. – У меня есть сам препарат. Есть результаты биохимических анализов. Определены каналы поставки. Препарат индивидуальный, из нескольких компонентов; их присылали разными путями и даже в разное время. Они соединялись в специальном шприце непосредственно перед уколом. Цепочку производителей я установил, но каждый занимается только своей частью и понятия не имеет об остальных. Того, кто выстроил всю систему, не знают ни участники цепочки, ни жертвы, ни службы безопасности – вообще никто. Жертвы платили в криптовалютах, напрямую из своего кошелька в анонимный кошелёк – то есть через банки его тоже не найти. В этом самая большая проблема. Надо выяснить, почему долгое время препарат приносил пользу, а теперь убивает. И разобраться, как остановить заразу. А для этого нужен владелец ноу-хау. Или, как минимум, само ноу-хау.

– Чем здесь могут помочь математик, историк и солдат? – спросила Ева. – Ни один из нас не следователь, не биохимик и не врач.

– Тем не менее, в Лондоне буквально на моих глазах вы раскрыли тайну Философского камня, над которой люди бились три тысячи лет, – возразил Дефорж. – Здесь примерно та же тема.

– Какая тема? – снова не понял Одинцов.

– Философский камень – универсальное лекарство и основа эликсира вечной молодости, тебе ли не знать?! Все жертвы... гм... все, кроме Клары и её родителей, проходили длительный курс омоложения. А в ближайшей перспективе они должны были стать практически бессмертными.

Глава VIII

– Это даже не научная фантастика. Просто какое-то... дерьмо собачье! – в сердцах выругалась Ева, обсуждая рассказ Дефоржа.

– Дерьмо или не дерьмо – какая разница? – философски заметил Одинцов. – Всё равно нам его разгрести.

Леклерк на «Принцессе» вёз их по морю в Трат. Одинцову не хотелось пилить ночью за рулём триста километров обратного пути. Аренда яхты продолжала действовать, поэтому он ещё на подъезде к тайской столице позвонил капитану и велел двигаться к устью реки Чау-Пхрая, на которой стоит Бангкок.

В ресторане Ева отказалась от угощения Дефоржа. Одинцов накормил её в заведении по соседству и проехал километров тридцать к югу вдоль реки – от Бангкока до музейного города Самутпракан. Там они с Евой оставили машину на прибрежной парковке возле какого-то рекреационного центра и перебрались на «Принцессу».

В пути Леклерк сидел у штурвала на мостике, а Ева с Одинцовым спустились в свою каюту и говорили по-русски, чтобы капитан даже случайно не услышал лишнего.

– Дерьмо собачье, – повторила Ева. Она устроилась в изголовье кровати, подоткнув под спину несколько подушек, и сквозь тёмную стеклянную полосу, которая тянулась вдоль

стены, смотрела в ночь. Яхта шла довольно быстро; снаружи по стеклу наискосок сбегали струйки дождя.

– Думай о хорошем, – посоветовал Одинцов.

– Например?

– Например, о том, как для начала Конрада нашего Карловича на ноги скорее поставить.

Шутка насчёт имени-отчества родилась во время приключений в середине лета. Троица тогда получила паспорта островной Федерации Сент-Киттс и Невис. Номера паспортов Одинцова и Мунина шли подряд. Опытные люди, которые занимались оформлением документов, посчитали, что эти двое будут вызывать меньше подозрений, если сделать их отцом и сыном. Так Одинцов стал Карлом Майкельсоном, а Мунин получил от Федерации паспорт на имя Конрада Майкельсона – и от Одинцова кличку *Конрад Карлович Михельсон* в память о персонаже советской классики.

– Я почитала о лихорадке денге, – сказала Ева. – Её трудно лечить. Можем ждать три недели или четыре. А Дефорж говорит, что времени мало.

Лихорадку денге Одинцов испытал на собственной шкуре ещё в молодости, в пору военных подвигов. Ему приходилось бывать в Юго-Восточной Азии с диверсионными группами. Не ради красного словца он рассказывал Кларе, что у Мунина мучительно ломит колени. Денге – это искажённое английское *dandy*: так злые азиатские шутники двести лет назад высмеивали особенную походку больных. А врачи

называли вирусную лихорадку *суставной* или *костоломной* – и те же двести лет искали эффективное лекарство, но без особого успеха.

Одинцов глянул на часы.

– Времени мало, это да... Мы даже не знаем, сколько.

Клара не успевала на дневной рейс *Ethiopian Airlines* из Бангкока в Хараре, который летел с одной пересадкой в Аддис-Абебе. Пришлось забронировать ей билет на ночной самолёт *Qatar Airways*, делавший две промежуточных остановки – в Дóхе и в Дар-эс-Саламе. Комфорта больше, но путь длиннее и дольше – почти сутки вместо семнадцати часов.

Одинцова эта логистика интересовала потому, что на стыковках Клара наверняка будет включать телефон. Появлялась возможность предупредить её, чтобы не позволяла делать себе никаких инъекций.

В ресторане предусмотрительный Дефорж посоветовал Одинцову не звонить и не писать Кларе. Зачем осложнять ситуацию? Если девушка станет сопротивляться, сотрудники «Чёрного круга» всё равно найдут способ сделать укол: или силой, или шантажом – объяснив, что встреча с родителями невозможна без прививки:

– Как точно заметила наша дорогая Ева, в любом случае Клара станет заложницей. А дальше сами решайте, что для неё лучше: знать об этом – или оставаться в счастливом неведении.

Одинцов считал, что Клару надо предупредить, и прики-

дывал возможности. Семь часов лёту до столицы Катара, там стыковка часа полтора. Пока Клара выгружается из самолёта, рыщет в незнакомом аэропорту и садится в другой самолёт, до телефона у неё руки не дойдут. А если она всё же успеет его включить, – будет дозваниваться папе с мамой. Дальше ещё семь часов до столицы Танзании, там стыковка долгая, часа три как минимум. Если наудачу отправить сообщение в мессенджере – Клара сможет прочесть его или в Дохе, или в Дар-эс-Саламе, или ещё через три часа, уже в столице Зимбабве. Лишь бы это случилось до встречи с агентами «Чёрного круга»...

Ева оборвала рассуждения Одинцова.

– Не пиши и не звони. Пусть лучше не знает. Иначе может психануть. Я точно психанула бы. Ей и так будет тяжело. Пусть просто рассказывает нам, что происходит. И видео присылает.

– Угу. Если не забудет про камеру, – буркнул Одинцов.

– Я напомню, – пообещала Ева. От усталости у неё едва ворочался язык. – С Кларой всегда буду говорить я. Не надо, чтобы ты. Захочешь передать что-то – скажи мне. А сейчас иди. Я спать хочу.

Одинцов беспрекословно вышел и лёг во второй каюте, где совсем недавно наслаждались жизнью Клара и Муниин. Вздремнуть действительно не мешало: многолетний опыт учил хорошенько расслабляться перед серьёзным делом, потому что дальше напряжение будет только расти.

Возвращение в Трат на яхте заняло примерно столько же времени, сколько и на машине, но Ева с Одинцовым успели отлично выспаться. Утром они были на месте, приняли душ в гостиничных номерах и после завтрака отправились в больницу к Мунину.

Ева снова ждала за дверью, а Одинцову позволили заглянуть в палату. Мунин спал под капельницей на белых подушках в окружении медицинской аппаратуры. Изогнутые трубки подачи кислорода, подведённые к носу, напоминали усы Сальвадора Дали. Бриться историк перестал, как только начался круиз: Клара хотела, чтобы её кавалер выглядел брутально. Теперь на впалых щеках Мунина кучерявилась юношеская бородка. «А ему идёт, – подумал Одинцов. – Ещё обрastёт за пару недель – и будет натуральный мачо».

– Мистер Майкельсон-младший пока очень слаб, – сказал врач, похожий на ребёнка в белом халате с чужого плеча. – Мы делаем всё возможное, но тайландская геморрагическая лихорадка – опасная болезнь. Ваш сын будет выздоравливать медленно.

Выйдя из больницы, Одинцов попытался приободрить Еву:

– Марафонцы говорят: быстро – это медленно, но постоянно. Главное, чтобы выздоровел. Давай так. Ждём ещё сутки. Если заметного улучшения не будет, я использую свой способ.

– Ты не врач, – вздохнула Ева.

– Я практик, и у нас нет времени.

Много лет назад в азиатских джунглях комар выпил каплю его крови, а взамен оставил вирус денге. Молодой Одинцов тогда участвовал в секретной операции. Группа выполнила боевую задачу, но ещё предстоял обратный путь. Погоня шла по пятам; ждать, пока больной оклемается, товарищи не могли. Лихорадку, жар и костоломные боли Одинцову пришлось переносить на ногах. Где-то он брёл сам, где-то его тащили через джунгли на волокуше и доставили на базу почти в беспомощности...

...но выздороветь помогли не тамошние медикаменты, а народный рецепт, о котором Одинцов рассказал Еве.

– Он простой, как всё гениальное. Берёшь половину большой кружки крепкого горячего чая. Выжимаешь туда пару лаймов, добавляешь столовую ложку мёда и граммов сто рома. Тщательно перемешиваешь и пьёшь. Повторять надо три-четыре раза в сутки. Через пару дней ты на ногах. Самое большее через неделю – как огурчик. Вообще при любой лихорадке помогает, если не задета печень, и при простуде особенно.

– Полбутылки рома в день? Хоро-о-оший рецепт, – оценила Ева. – Интересно, что скажут врачи.

– С врачами я договорюсь, – пообещал Одинцов...

...и сдержал обещание, потому что за сутки Мунину лучше не стало. А пока историк оживал, принимая микстуру Одинцова, два его компаньона не теряли времени даром.

На сервере «Чёрного круга» для них завели специальный раздел. Дефорж подгружал туда меморандумы – информационные записки с приложением официальных документов, досье, статистики, цитат, развёрнутых справок, отчётов, аналитических данных и вообще любых сведений, относящихся к теме, на которую составлен меморандум.

С утра Ева с Одинцовым отправлялись на пляж и занимали места в прибрежном ресторане под большими раздвижными зонтиками, которые защищали от редкого солнца и частого дождя. Каждый со своего макбука читал меморандумы Дефоржа и тут же искал нужные справки в интернете – или запрашивал у француза дополнительные сведения. Компаньоны перекусывали прямо за работой и не мешали друг другу, но в любой момент могли обсудить какую-то интересную деталь.

Ева больше не ворчала про дерьмо и научную фантастику. После встречи в отеле «Парк Хайятт» она уже успокоилась, а фантастика уступала реальным достижениям науки.

– Бессмертие, значит, – крихтел Одинцов, листая первый меморандум о сути того, чем предстояло заниматься. – Ну-ну...

Базовый постулат гласил: главный враг современного человечества – это старение. Каждый день на планете умирают сто пятьдесят тысяч человек. Семеро из десяти умерших расстаются с жизнью из-за проблем, связанных с возрастом. Поэтому надо воспринимать происходящее как всеобщую

болезнь и заниматься поиском лекарства от старости.

Компаньоны узнали, что учёные традиционного толка видят три моста, последовательно ведущих к бессмертию.

Первый мост – бытовой: комфортная жизнь, сбалансированное питание, здоровый сон и тому подобное.

Второй мост – медицинский в современном смысле: его создают *сенолитики*, которые избирательно уничтожают постаревшие клетки, и другие эффективные лекарства при поддержке генной терапии.

Третий мост – результат биотехнологической революции: это наноботы – крошечные машины по ремонту клеток.

С первым мостом всё давным-давно понятно; второй мост человечество проходит прямо сейчас – и уже ступило на третий, поскольку в двадцать первом веке научились не только создавать наноботы, но и всё шире их применять.

По размеру наноботы меньше кровяных клеток. Однако эти крохотные устройства, циркулирующие в лимфатических протоках и кровеносных сосудах, успешно занимаются диагностикой, передают информацию врачам, генерируют программы лечения от многих болезней, безопасно доставляют лекарства строго в заданную точку организма, чистят внутренние органы и даже мозг – и подбираются к тому, чтобы самостоятельно делать хирургические операции.

Учёные обещали настоящий расцвет медицинских нанотехнологий к тридцатым годам. По их прогнозам, в сороковых развитие искусственного интеллекта радикально изме-

нит всю медицину, а не позже 2045 года появятся технологии полной регенерации организма, которые обеспечат человечеству физическое бессмертие.

– Был в России премьер-министр Черномырдин, – заметил Одинцов, пряча усмешку. – Большой философ и мастер художественного слова. Он говорил, что самое неблагодарное дело – строить прогнозы, особенно на будущее.

Еве не удалось постигнуть смысл сказанного.

– А какие ещё могут быть прогнозы?.. Это шутка, да? Зря смеёшься. Про бессмертие тела я не знаю, а как математик могу сказать, что информационное бессмертие вполне достижимо. Человеческие знания будут объединены в облако. Это уже происходит, и даже быстрее, чем у тебя написано.

– Да уж какие тут могут быть шутки... – Одинцов не стал посвящать Еву в особенности работы мозга российских чиновников, а торжественно процитировал меморандум: – «Сейчас на Земле живут бок о бок последнее поколение смертных и первое поколение бессмертных»... Звучит!

Благодаря многолетнему сотрудничеству с биотехнологами Ева знала, что свою деятельность уже пересматривают крупнейшие фармацевтические компании уровня *Johnson&Johnson* и *Pfizer*. Они распоряжаются колоссальными финансовыми, научными и технологическими ресурсами. Им недостаточно только разрабатывать и производить лекарства: им нужен качественный прорыв. Тем более, в затылок дышат гиганты информационных технологий –

Microsoft, IBM и Amazon, тоже стремящиеся к прорыву.

Совсем недавно большинство стартапов создавались в области ИТ. Сейчас бизнесмены от науки всё чаще смотрят в сторону медицины. Конкуренция стремительно растёт, поэтому учёные и медики вынуждены кооперироваться. В результате биотехнологии уверенно превращаются в главную мировую индустрию.

Ева и её коллеги-математики ассистировали биологам, которые сумели *секвенировать* человеческий геном – то есть определить последовательность кирпичиков-нуклеотидов, из которых он состоит, – и сделали математический анализ этой последовательности.

– Я могла бы сама догадаться, что происходит, – с некоторой досадой сказала Ева. – Просто меня занимали конкретные задачи, а не общая картина... Ты понял?

– Понял, чего ж тут не понять. Современная медицина срастается с информационными технологиями.

– Значит, не понял. Медицина не срастается с информационными технологиями. Она сама становится информационной технологией!

Одинцов решил поразмыслить над словами Евы на досуге, а сейчас не стал тратить время. Дальше в меморандумах говорилось о том, что имело непосредственное отношение к заданию «Чёрного круга»: о регенерации.

– Существуют три правила, – вслух читал Одинцов. – Первое: способность к насильственно вызванной регенерации

снижается по мере повышения места в эволюционном ряду животных. Второе правило: способность к регенерации снижается с возрастом животных. Третье правило сформулировано Кёлликером в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году и Вальдейером в шестьдесят девятом... Ого! Ещё в девятнадцатом веке?! Нам это надо?.. Третье правило: при регенерации каждая ткань происходит от себе подобной.

Очередной меморандум в качестве примера бессмертного существа приводил гидру. Если её рассечь надвое – обе части регенерируют до полноценной особи. Ева подтвердила:

– Правило номер один. Чем существо проще, тем лучше.

– Вот ещё пишут: «Швейцарские ученые воздействовали на ген обычной мухи, который отвечает за глаза»... Это же и есть секвенирование? – Одинцов с удовольствием произнёс мудрёное слово. – Ну, когда определяют порядок генов и какой за что отвечает... Смотри: учёные воздействовали на нужный ген, и у мухи выросли глаза в самых неожиданных местах – на ногах, крыльях и даже на усиках-антеннах... Ноги с глазами. Представляешь себе картинку?!

– Нормальная картинка, – рассеянно ответила Ева, погружённая в другой меморандум. Там говорилось, что человек рождается со способностями к регенерации. Конечно, они намного скромнее, чем у гидры или аксолотля, однако даже эти способности угасают самое позднее к пяти-шести годам.

«Правило номер два», – сказала Ева сама себе и невзначай тронула живот, думая о будущем ребёнке. Если научные

предсказатели не ошибаются, он уже из поколения бессмертных... Трудно было уложить это в голове. А Одинцов словно слышал её мысли и читал дальше:

– Люди направляют жизненные ресурсы на размножение. В отличие от людей гидры используют свои ресурсы прежде всего для восстановления. Это две принципиально разные стратегии выживания на уровне вида. Ситуация радикально изменится, если человек начнёт расходовать энергию на повышение способностей к регенерации и общему омоложению организма...

По мнению другого учёного, статью которого тоже прислал Дефорж, проблема человеческого старения состоит в том, что клетки организма постоянно повреждаются. Сокращая количество таких клеток до незначительных величин, можно достигнуть *пренебрежимого старения*. Тогда верхний предел возраста перестанет существовать, а с ним исчезнет и сама причина смерти.

– Проще пареной репы, – подвёл итог Одинцов. – Всего и делов-то: не повреждать клетки, не стареть, регенерировать и омолаживаться. Кто бы ещё сказал – как?

Ответ на свой вопрос он получил раньше, чем мог предположить.

Глава IX

Клара не выходила на связь в течение суток после перелёта. Одинцов позвонил Дефоржу и сурово спросил:

– Где Клара? Мы договаривались, что больше фокусов не будет.

– Договор в силе, – ответил француз. – За Кларой присматривают, и с ней всё в порядке... хм... насколько это вообще возможно в нашей ситуации. Она в Хараре, ей сделали инъекцию, но на здоровье это не повлияло. Скажу осторожнее: *пока* не повлияло. Заметных изменений нет. Давай не забывать, что Клара полетела к родителям. Вот у них действительно проблемы. Вы работайте. Она освоится немного и позвонит.

Дефорж оказался прав.

Клара позвонила к исходу вторых суток. Разница во времени между Зимбабве и Таиландом – пять часов: Трат уже укутала ночь, когда Ева с Одинцовым услышали сигнал вызова.

– Говорить буду я, – напомнила Ева.

Это было правильным решением. Клара с первых же слов расплакалась. Еве стоило немалых трудов успокоить девушку и задать вопросы, которые подсказывал нетерпеливый Одинцов.

Компаньоны знали, что родители Клары в составе гумани-

тарной миссии ездят по отдалённым провинциям Зимбабве. Предыдущие поездки проходили благополучно, а на днях в очередном захолустье мать и отец Клары вдруг почувствовали себя плохо, несмотря на все прививки. Состояние отца врачи вроде бы стабилизировали, а матери становилось всё хуже.

– Что с ними? – спросила Ева, и Клара назвала симптомы, о которых говорил Дефорж. Изжога, судороги, озноб – верные признаки отравления. В экзотических краях от него не застрахованы даже опытные путешественники. Но врачи соблюдали все меры предосторожности, поэтому грешили на туземцев. Кому-то могло не понравиться вторжение белых в жизнь зимбабвийской глубинки. У каждого племени – свой колдун, и у каждого колдуна – свой рецепт яда, который передают из поколения в поколение.

Европейские медики, вооружённые современными лекарствами, дали бой древним африканским фармацевтам. В результате Кларину отцу чуть полегчало, а у матери неизвестная болезнь развивалась по тому же сценарию, что и у жертв из рассказа Дефоржа. Изжогу и озноб сменили кошмары.

Когда Клара собиралась вылететь из Бангкока, её родителей эвакуировали на военном вертолёте в Хараре...

...а к приезду Клары у матери начались вспышки агрессии. Она бросилась на мужа и до того, как её скрутили, успела несколько раз пырнуть его ножом. Теперь мать была изо-

лирована в лазарете посольства, а отец лежал в столичном госпитале.

– Я умоляла, чтобы нас отправили домой, в Германию, – рыдая, жаловалась Клара, – но мне сказали ждать, пока папа окрепнет после операции. А маму они даже трогать боятся...

В этой суматохе Клара без возражений позволила сделать себе инъекцию: для дочери медиков процедура представлялась естественной, да и мысли её были заняты родителями. По счастью, в аэропорту девушка получила от Евы напоминание о скрытой камере, включила её и теперь прислала видеозапись.

Ева думала, что на записи Одинцова заинтересуют сотрудники «Чёрного круга», но его внимание привлёк стильный алюминиевый кейс, в котором доставили ампулы и футуристичный, сияющий хромом шприц-пистолет. Кейс украшала монограмма *CR*.

Дефорж по первому требованию прислал меморандум об инъекции. Буквы на кейсе обозначали название препарата – *Synops Rex*.

– Это латынь, читается «Кíнопс Рекс», – на всякий случай пояснил француз.

Разработчики, подобно многим другим коллегам, проводили эксперименты на земноводных. Препарат называли в честь мучеников науки из семейства Настоящие саламандры – *Salamandridae*, относящихся к роду восточноазиатских тритонов *Synops*. А дополнение *Rex* – титул царя в Древнем

Риме – очевидно, было маркетинговым ходом и обозначало высочайшее качество продукта, созданного для элиты.

Судя по описаниям, которые прислал Дефорж, препарат существовал в нескольких модификациях для разных пациентов: жидкости в ампулах отличались по цвету и названию. Кларе вкололи ярко-фиолетовый раствор – это было видно на записи. Цвет соответствовал модификации *Synops Rex Gabrielle*. Там же упоминалось, что есть ещё ярко-красный *Synops Rex Anna-Maria* и ярко-зелёный *Synops Rex Dominique*.

Теперь компаньоны знали, какую инъекцию получила Клара. Дефоржу об этом не сообщили, но Ева вызвала его на видеоконференцию и поинтересовалась, почему одно и то же лекарство носит разные имена.

– Женские имена, – уточнил Дефорж.

– Анна-Мария – определённо женское. А Габриэль и Доминик разве не могут быть мужскими? – спросил Одинцов.

– Могут, но мужское имя Габриэль у нас пишется иначе. А если два имени из трёх – женские, логично предположить, что и третье тоже. Впрочем, не буду настаивать. Это всего лишь моя версия... Препарат индивидуальный. Каждому пациенту делали инъекцию, предназначенную лично для него.

– Но Кларе и её родителям кололи одно и то же? – не сдавалась Ева.

– Да.

– Существует ли связь между именами жертв и названия-

ми препаратов?

– Нет.

Ева настаивала:

– Может быть, есть связь с именами родственников, предков, ещё кого-то? Не обязательно прямая связь, а любое соответствие, любая корреляция?

– Мы анализировали очень глубоко. Связи нет, – повторил Дефорж.

Одинцов тоже спросил: жертвы были обоих полов, или только мужчины, или только женщины?

– Полов сейчас уже больше, – усмехнулся Дефорж. – Сразу видно, что спрашивает русский. Вы не толерантны...

Предвосхищая следующие вопросы, он добавил, что жертвы были не только разных полов, но и разных возрастов и принадлежали к разным расам.

Дефоржу с агентами «Чёрного круга» удалось получить от нескольких жертв препараты трёх модификаций. Каждому пациенту периодически доставляли фирменный кейс и ампулы на очередной курс. Разные модификации, разные дозировки, разная интенсивность курсов... После гибели пациентов часть ампул осталась неиспользованной. Их содержимое отдали на анализ, а один из кейсов с препаратом *Synops Rex Gabrielle* перебросили в Хараре.

– Жертв много, – сказала Ева. – А модификаций всего три? «Анна-Мария», «Габриэль» и «Доминик»? Других точно нет?

Одинцов привычно порадовался её сообразительности. Дефорж подтвердил догадку:

– Мы не знаем, сколько существует модификаций. По известным причинам службы безопасности и родственники многих жертв отказываются нам помогать. В нашем распоряжении три модификации препарата, но сколько их на самом деле – неизвестно.

– Французский алфавит такой же, как английский? – спросила Ева.

– Начало такое же, только звучит иначе, – согласился Дефорж. – А, бэ, сэ, дэ, ё, эф, же, аш...

Ева остановила его.

– Пока хватит. Если имена брали по алфавиту, от Анны-Марии на букву «а» до Габриэль на букву «же» получится семь модификаций, а нам известны всего три.

Дефорж надул щёки, поскрёб стриженный под машинку затылок и шумно выдохнул.

– Мы думали об этом. Их может быть семь по числу цветов радуги, – сказал он. – Ампулы ведь цветные... А может быть двенадцать по числу апостолов. Или двадцать шесть по числу букв французского алфавита. Или в самом деле три. Или сколько угодно. Не вижу смысла гадать.

– Разберёмся, – пообещал Одинцов.

Когда разговор с Дефоржем был закончен, они с Евой обсудили полученную информацию.

Во-первых, основное название у препарата латинское, но

модификации названы по-французски. Логичнее выглядела бы та же латынь или международный английский, но разработчик выбрал другой язык. Возможно, зацепка указывает на происхождение автора ноу-хау.

Во-вторых, модификации носят женские имена. Тоже кое-что, хотя пока непонятно, как интерпретировать эту особенность.

В-третьих, Дефорж мог оказаться прав насчёт цветов радуги. Если обозначить их первыми семью буквами французского алфавита и расположить известные названия модификаций препарата в алфавитном порядке, то *Anna-Maria* на первую букву будет соответствовать красному цвету, *Dominique* на четвёртую – зелёному и *Gabrielle* на седьмую – фиолетовому. Именно так выглядели растворы, которые удалось добыть «Чёрному кругу». Значит, *Synops Rex* изготавливают в семи модификациях, и неизвестные тоже названы женскими именами по алфавиту.

– Что нам это даёт? – спросил Одинцов.

– Знание алгоритма помогает вычислить того, кто его придумал, – обнадёжила Ева.

В-четвёртых, разные дозировки и прочие характеристики модификаций препарата, по-видимому, всё же обусловлены возрастными, половыми и расовыми различиями жертв. В случае с большинством обычных лекарств инъекция для молодого мускулистого монголоида отличается от инъекции для пожилой тучной негритянки. Но *Synops Rex* – необычное

лекарство, а «Чёрный круг» не раскрывает имена жертв и не даёт возможности проверить идею.

В-пятых, одна и та же модификация, введённая отцу и матери Клары, вызвала у мужчины лишь серьёзное недомогание, а из женщины сделала жертву. То есть разные организмы по-разному реагируют на препарат: одни способны сопротивляться его действию, другим инъекция наносит фатальный ущерб.

– Мы могли бы это быстро проверить, если бы Дефорж раскрыл информацию хотя бы о тех жертвах, которым вводили «Габриэль», – сказала Ева. – Сравнили бы с ними семью Клары и поняли, в чём они похожи, а в чём отличаются...

Одинцов помотал головой.

– Они это и без нас выяснят. Анализы у Клариных родителей берут, исследуют... А мы можем разве что личное дело прочесть. Если обнаружится что-нибудь интересное – Дефорж наверняка расскажет. Наша задача сейчас – не в биохимии копаться, мы производителя ищем. Первые подозреваемые уже есть. Вот и надо для начала с ними встретиться, а дальше поглядим.

До встречи оставалось меньше недели.

«Чёрный круг» обеспечил троице прикрытие, которое обещал Дефорж. Ева, Одинцов и Мунин – под именами из паспортов Федерации Сент-Киттс и Невис – получили статус экспертов страховой группы *INSU*. Контракты оформили

задним числом, и в базе данных *INSU* каждому из троицы создали хороший послужной список на случай, если кому-то придёт в голову проверить, кто они такие. А в скорой проверке можно было не сомневаться, потому что компаньонов сделали участниками международного научного конгресса, который спонсировали страховщики.

В эти дни далеко к востоку от Таиланда – в Тайбэе, столице Тайваня – проходила одна из крупнейших в мире биотехнологических выставок *BIO ASIA*. Почти наверняка один из тысяч её участников – тот, кто нужен «Чёрному кругу». И он точно должен оказаться в числе приглашённых на конгресс в Камбоджу сразу по окончании выставки. Поэтому требовалось хорошее прикрытие: учёных наверняка заинтересуют любопытные новички, ведь троице предстояло всюду совать свой нос.

– «Биотехнологии омоложения и продления жизни», – вслух прочитал Одинцов название конгресса. – Тусовка для просветлённых, это я понимаю. Но страховщики-то здесь при чём?

Ева оторвалась от компьютера и удивлённо взглянула на Одинцова.

– Что значит – при чём? Страховщики зарабатывают, пока клиент здоров и платит взносы. Это же простая математическая зависимость: чем дольше клиент живёт, тем больше заплатит.

– Ну да, бессмертный живёт и платит вечно, – сообразил

Одинцов.

В голове у него начала складываться парадоксальная картина: врачам и фармацевтам невыгодно, чтобы люди были здоровыми. Первые зарабатывают на болезнях, вторые – на лекарствах. Здоровые не платят ни тем, ни другим. Зато больные отдадут последнее.

Хороших диагностов и хороших целителей во все времена – единицы, но врачей становится всё больше. И эта растущая армия умеет главным образом неразборчиво писать, заполнять стандартные формы учёта пациентов, щеголять знанием усреднённых протоколов лечения, с важным видом произносить заковыристые термины и цитировать рекламные буклеты новых лекарств...

...а фармацевты платят врачам, чтобы те прописывали лекарства подороже и посложнее. Вспышка любой болезни или тем более эпидемия – подарок судьбы для фармацевтов. Их имена быстро пополняют списки миллионеров, миллионеры становятся миллиардерами, а миллиардеры так же стремительно умножают свои состояния. Это медицина разве что с виду, но в действительности – циничный бизнес на драгоценных болезнях.

Врачи называют по-новому известную хворь или объявляют новой болезнью один из вариантов старой. Производители предлагают спасительное снадобье, тратят на его рекламу безумные деньги, и мир сходит с ума вслед за ними. Все используют чудесную панацею. Потом выясняется, что у но-

вого лекарства есть побочные эффекты, которые надо лечить другими лекарствами. У них тоже есть побочные эффекты, и эта чехарда продолжается без конца.

В 1960-х средством едва ли не от всех болезней объявили антибиотики. Была ли от них польза? Была, и большая. Но когда стали подсчитывать проблемы, вызванные повальным использованием антибиотиков, – со счёта сбились: необратимые поражения слуха, загубленная печень, аллергические реакции вплоть до анафилактического шока и мучительной смерти...

Привычный аспирин оказался ядом для беременных и вызывал развитие врождённых нарушений у детей ещё в утробе матери. А у взрослых целебная таблетка могла спровоцировать желудочное кровотечение.

Парацетамол – хорошее жаропонижающее, но притупляет чувство страха и заставляет охотнее идти на риск. Опасное свойство для человека, сидящего за рулём; для его пассажиров, других водителей и пешеходов. А если принявший парацетамол управляет самолётом, опасность резко возрастает.

Многие годы буквально в каждом доме лечились анальгином – до тех пор, пока не узнали: первейшее средство от головной боли опасно настолько, что даже Всемирная организация здравоохранения – главная защитница интересов производителей лекарств! – рекомендует от него отказаться.

Талидомид прописывали беременным как успокоительное, а получили многие тысячи детей с расщеплением нёба

и недоразвитыми конечностями, глухих и слепых.

Самые популярные средства от ожирения поражают клапаны сердца до такой степени, что может потребоваться хирургическая операция. Конечно, для борьбы с лишним весом есть и другие лекарства – они безопасны для сердца, но вызывают патологические изменения в лёгких.

Когда мир захлестнула волна борьбы с холестерином, вместе с ней на рынок хлынули антихолестериновые препараты. Бляшки в сосудах удалось победить, но у победителей оказались поражены мышцы и нарушена функция почек...

Одинцов закончил перелистывать описание коммерческого союза врачей с фармацевтами и подвёл итог:

– Жуть. Рука руку моет.

– Пожалуй, твоя микстура от лихорадки денге не так плоха, – вынуждена была признать Ева. – Всё натуральное, никакой химии. Лишь бы у Конрада Карловича печень выдержала.

– Выдержит, – уверил её Одинцов, постигший логику страховых компаний.

Человеческий организм внезапно ломается и с трудом чинится. Чем реже происходит поломка и чем проще починка, тем больше зарабатывают страховщики. Миллиардные обороты группы *INSU* обеспечивали астрономическую прибыль. Говоря строго, речь и здесь шла совсем не о медицине, а о бизнесе, но без циничного вранья. Крупнейшая в мире группа страховых компаний действительно стремилась к тому,

чтобы люди были как можно здоровее и жили как можно дольше. Для достижения своей цели *INSU* щедро спонсировала биотехнологов, которые исследовали механизмы регенерации.

– Странно, что ты в страховых делах не разбираешься, – сказала Ева. – Вроде бы взрослый человек...

– Я из России, – напомнил Одинцов и ткнул пальцем в слово *insurance* на экране макбука. – Насколько я знаю английский, у вас «иншúранс» означает уверенность и гарантию. А по-русски «страхование» происходит от слова «страх». Чувствуешь разницу? Мы с тобой на это дело с разных сторон смотрим.

Еве такая мысль в голову не приходила.

Глава X

Мунин ожил через четыре дня.

Микстура Одинцова из крепкого чая с ромом, лаймом и мёдом позволила историку подняться на ноги. Несмотря на мучительную ломоту в суставах, Мунин сам доковылял *походкой денди* до туалета. Позже он рискнул прогуляться по коридору, опираясь на передвижной штатив с подвешенной капельницей...

...и встретил Одинцова, который зашёл с проверкой после странного сообщения в мессенджере. Историк прислал ему стихи:

*Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорёк пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Ночных существ глядели из травы.
Природы вековая давилня
Соединяла смерть и бытиё
В один клубок, но мысль была бессильна
Разъединить два таинства её.*

Одинцов был впечатлён, хотя и понимал, что в сознании Мунина ещё ворочаются остатки лихорадочного бреда впоремешку с разговорами, которые компания вела накануне болезни. Крепкая микстура тоже делала своё дело.

– Стишок сам сочинил? – поинтересовался Одинцов.

– Николай Заболоцкий, – буркнул в ответ историк. – Лучше вы мне скажите, что за ерунда у вас там происходит?!

Врач утром сжалился и вернул ожившему пациенту мобильный телефон. Мунин первым делом позвонил Кларе. Само собой разумелось, что подружка ждёт его выздоровления в одной из ближайших гостиниц, в крайнем случае – на острове Чанг. Но Клара ответила из другой страны и даже с другого континента.

Конечно, Мунин искренне посочувствовал ей, узнав о больных родителях. Когда девушка сквозь слёзы рассказала о последних событиях и поделилась подробностями болезни – историк насторожился. Опыт подсказывал, что внезапные происшествия вокруг троицы случайными не бывают. Упоминание о Дефорже превратило настороженность в тревогу, а после слов Клары о скрытой видеокамере, которую нацепил на неё Одинцов, сомнений не осталось: у компании снова серьёзные проблемы. Мунин занервничал, отправил компаньонам стихи, вынырнувшие под настроение из недр памяти, и стал собираться с мыслями для серьёзного разговора.

Выслушав его претензии, Одинцов посоветовал:

– Ты не кипятись. Всё верно, у нас проблемы. Мы с Евой сами пока ничего не понимаем, и ты нам очень нужен. Только из тебя сейчас боец – как из дерьма пуля. Поэтому первое: Кларе ни слова. Будешь звонить – сочувствуй, подбадривай, но молчи про всё остальное. Второе: выбрасывай из головы

этих... жуков и хорьков с птичьими мозгами. Приходи в сознание. Чтобы через два дня был как огурчик! Не зелёный в пупырышках, а готовый заниматься делом. Понял? Это не просьба, это приказ. Поправляйся и подключайся!

Одинцов отвёл Мунину ровно два дня не просто так. На третий день начинался конгресс. Троицу ждали там в полном составе. А кроме того, как и предупреждал Дефорж, с каждым днём таяли шансы на спасение Клариных родителей и самой Клары: на неё так или иначе должна была вскоре подействовать инъекция. Говорить об этом историку Одинцов пока не стал.

Под конец дня новая информация от Дефоржа и сообразительность Одинцова придали событиям неожиданное направление...

...а с утра, после визита в больницу, Одинцов с Евой по обыкновению заняли место под зонтиком на террасе прибрежного ресторана и снова погрузились в чтение, раскрыв макбуки.

Полный перечень участников предстоящего конгресса мог озадачить кого угодно, поэтому Дефорж составил короткий список. Его фигуранты имели отношение к местным клиникам или лабораториям и последние пять лет входили в цепочку производителей компонентов *Synops Rex*. Француз подготовил досье на каждого.

– Напрасно я его шпынял за безделье, – вслух признался Одинцов.

Работа была проделана большая. Компаньоны сперва изучили список порознь, а потом объединили усилия.

– Номер первый, – объявила Ева, листая на дисплее снимки улыбчивого темнокожего мужчины. Вместе с ней Одинцов перечитал сопроводительный текст.

АБРАХАМ БУТСМА, 48 лет.

Родился и учился в Нидерландах, работал во Франции. Занимался регенеративной медициной, стал одним из пионеров биопринтинга – сбора тканей и органов из конгломерата клеток. Сейчас это перспективное направление позволяет в соответствии с трёхмерной цифровой моделью по слоям печатать на специальном 3D-принтере кости, хрящи, кожу и даже глазную роговицу. На очереди – создание полноценного человеческого органа и его пересадка.

16 лет назад, совершая с группой туристическую поездку во Вьетнам, был тяжело ранен при взрыве старой противопехотной мины. Гибель спутников и долгое лечение заставили его пересмотреть многие взгляды.

Постоянно живёт и работает в Камбодже. Его лаборатория занимается исследованиями в области генной инженерии. Сам Бутсма увлечён идеями трансгуманизма и биохакингом.

После нескольких дней энергичной работы мудрёные словечки уже не мешали Одинцову. Теперь он знал, что многие учёные, с которыми придётся иметь дело, – трансгуманисты. Их научная и философская концепция состоит в объедине-

нии самых передовых технологий для победы над страданиями и смертью.

С биохакингом тоже в общих чертах было понятно: это использование биологических и фармацевтических методов для улучшения основных жизненных показателей. В досье Дефоржа говорилось, что биохакеров уровня Бутсмы на свете не наберётся даже тысячи. Они постоянно манипулируют состоянием своего организма при помощи множества способов – и в самом деле замедляют процессы старения. Дефорж приводил цитаты из интервью, которые давал Бутсма:

Если вы спросите меня, можно ли уже сегодня жить до пятисот лет, я отвечаю: «Да!».

Современные технологии позволяют достигнуть уровня сверхчеловеков. Даже если прогресс в медицине по каким-либо причинам затормозится, биохакеры сохраняют прекрасную физическую и ментальную форму на протяжении минимум ста лет. В моём случае это значит жизнь до ста пятидесяти.

Если учесть стремительное развитие генной инженерии, регенеративной медицины и нанотехнологий, – можно быть уверенным, что в течение ближайших двух-трёх десятков лет мы окончательно победим старость как злейшую болезнь и будем жить не столетиями, а вечно.

Я готов прожить достаточно долго, чтобы не умереть.
– А трансгуманист наш, оказывается, остряк, – заметил Одинцов, разглядывая на снимках разные ракурсы белозу-

бой улыбки Абрахама Бутсмы.

– Трансгуманизм – это вроде новой религии, – рассеянно откликнулась Ева. Её занимали не публичные высказывания, а прикладная сторона дела. Тем более взгляд цеплялся за информацию, имевшую отношение к беременности.

Один из видов белка, который управляет развитием плаценты у млекопитающих, имеет вирусное происхождение. Вообще вирусам отведена определённая роль в процессе эволюции: они переносят гены между существами различных видов. Это стимулирует мутацию, повышает приспособляемость организмов и способствует их выживанию. Также в качестве генетического материала может выступать сам вирус, который встроил себя в геном. В случае с плацентой наблюдается именно такой феномен «молекулярного одомашнивания».

Генный инженер Бутсма широко использует вирусы как средство доставки в клетку необходимых генов. Одна из его технологий применяется при лечении онкологических заболеваний. Вирус, имеющий заданные характеристики, вводится непосредственно в раковую опухоль, поражает больные клетки и препятствует их развитию.

Номером вторым, который привлёк внимание Дефоржа и компаньонов, был учёный из России. Этот усталый плешивый мужчина не мог иметь отношения к медицинским лабораториям и тем более клиникам в Юго-Восточной Азии, поскольку давным-давно вернулся из Франции, где препода-

вал какое-то время. Он жил в Москве и занимался радиационной физикой. Однако некоторые из его разработок врачи встретили с восторгом.

КОНСТАНТИН КАШИН, 63 года.

Действительный член Российской Академии наук, профессор Физического института РАН, продолжатель дела Герша Будкера и Владимира Балакина, исследователь физики ускорителей. Автор технологии протонной терапии.

Основа метода – пучок положительно заряженных частиц с большой энергией, который при быстром движении сквозь организм практически не теряет энергии, то есть не причиняет ущерба живым тканям. Энергия выделяется только в самом конце траектории: протоны тормозят – и происходит подобие микроскопического взрыва. Таким образом, энергия может быть доставлена прицельно, в конкретную точку. В этой точке достигается желаемый эффект.

Для протонной терапии Кашиным создан компактный ускоритель – медицинский синхротрон «Велес». Устройство позволяет без хирургического вмешательства с исключительной точностью воздействовать пучком протонов на целевые участки в микронных расстояниях от нервных окончаний.

«Велес» непрерывно совершенствуется. На выставке BIO ASIA Кашин демонстрирует прототип уже пятого поколения, совмещённый с ионным ускорителем на альфа-частицах, которые в ряде случаев существенно эффективнее, чем

протоны.

Одинцову приятно было узнать, что есть россияне, опережающие своих зарубежных коллег не только в области балета или выпивки, и что в России создают не только сверхмощные бомбы или гиперзвуковые ракеты...

– Жертвам делали инъекции. При чём тут пучки радиации? – сказала Ева, прерывая лирические размышления Одинцова. – И обрати внимание: Кашин – единственный русский в цепочке, которую раскрыл Дефорж, и один из немногих учёных академического уровня среди участников конгресса.

– Что тебя смущает?

– Он совсем не бизнесмен.

– Ну почему же? – возразил Одинцов. – В тихом омуте черти водятся... А с бизнесом у него всё в порядке. Кашин производил кейсы и шприц-пистолеты для «Кинопса». Это самая ответственная часть. И наверняка дорогущая.

– Почему было не найти кого-то попроще и поближе? Почему заказ отдали именно Кашину?

– А ты вот сюда посмотри. – Одинцов поцокал ногтем по экрану с выделенным абзацем текста.

Все технологии локализованы в лаборатории Кашина под Москвой. В отличие от авиационных и прочих высокотехнологичных производств, которые де-факто занимаются сборкой из деталей, произведённых в разных странах, Кашин разрабатывает, а затем изготавливает свои устрой-

ства на собственной базе. Технологическая цепочка включает сверхточное литьё, резку листового металла, намотку катушек индуктивности, сварку металлов с керамикой, создание вакуумных систем и тысячи других операций вплоть до выпуска конечного продукта.

– Закрытая лаборатория, но по сути – целый завод. Секретное высокотехнологичное производство полного цикла, – пояснил Одинцов. – У нас это по-взрослому поставлено ещё со времён «железного занавеса». Ни от кого не зависишь, ни от каких поставщиков, ни от каких смежников. И выхода информации наружу нет: всё засекречено даже от своих... Науку сейчас финансируют хреновенько. На бюджет надежды мало, с чиновниками каши не сваришь – их задача хорошо служить, а не хорошо думать. Вот учёные и крутятся, и зарабатывают, кто во что горазд. А заработок – дело увлекательное.

– Думаешь, Кашин может быть владельцем ноу-хау? Или совладельцем...

– Видно будет. Разберёмся, – снова пообещал Одинцов.

Ева бросила последний взгляд на рябые скулы русского физика и открыла в макбуке следующее досье с фотографиями.

На контрасте с Кашиным этот персонаж списка Дефоржа выглядел особенно ярко. Такая располагающая внешность бывает у артистов и политиков – что, впрочем, почти одно и то же. Озорные чёртики в глазах придавали ему шарма. От

внешности учёного веяло успехом и уверенностью в себе.

– Так-так-та-а-ак, – протянул Одинцов, – опять француз...
ГАСТОН ШАРЛЕМАНЬ, 50 лет.

Представитель медицинской династии, продолжатель дела отца. Сочетает в себе таланты учёного и бизнесмена. Автор бестселлера «Восстание приговорённых к смерти» о борьбе со старением. Владелец исследовательской компании Methuselah LLC.

– По-русски это значит Общество с ограниченной ответственностью «Мафусаил», – машинально перевела Ева.

– То есть Бутсма у нас остряк, а этот – амбициозный и хитрый, – заключил Одинцов. Для разгадки предыдущих тайн он вместе с компаньонами штудировал Ветхий Завет и знал, что Мафусаил прожил дольше всех библейских персонажей – без малого тысячу лет. А ограниченная ответственность позволяет владельцу бизнеса не отвечать по финансовым обязательствам своей компании.

– Не завидуй, – сказала Ева, и они продолжили читать.

Шарлемань прославился благодаря исследованиям активности мозга покойников. Он обнаружил, что через две-три минуты после остановки сердца и прекращения подачи крови мозг ещё три минуты выдаёт серию мощнейших электрических импульсов, которых не генерировал при жизни.

Мистики пробовали объяснить этот эффект отделением души от тела и называли его причиной предсмертных ви-

дений вроде света в конце туннеля. Появилась теория о том, что лавинообразные импульсы представляют собой разрядку цепи нейронов, которые от недостатка кислорода теряют способность удерживать электрический потенциал.

В отличие от коллег Шарлемань считает всплеск активности мозга попыткой восстановить работу сердца. Это элемент посмертной жизни, которая происходит у покойных в течение нескольких дней: определённые гены функционируют и проявляют в мёртвом теле более высокую активность, чем в живом.

До знакомства с Муниным и Евой, всего полгода назад, Одинцов не предполагал, какой колоссальный объём новой информации можно уложить в голове за небольшой промежуток времени. Но с тех пор он здорово продвинулся благодаря компаньонам и получил представление об основах биологии. Это позволило хотя бы в общих чертах разобраться с экспериментами Шарлеманя.

Живой организм строит себя из белков. ДНК содержит их образцы, наследственный материал. Организм создаёт временную копию образцов – информационную РНК – и на этой матрице синтезирует белки для строительства.

Шарлемань обнаружил, что у покойников больше тысячи генов продолжают производить РНК и копировать на неё информацию из ДНК. Причём одни гены включаются короткими импульсами через несколько минут после смерти, а другие сохраняют постоянную активность до четырёх суток. Всё

это время на матрице происходит синтез белков, то есть в генетическом отношении покойник живёт энергичной жизнью...

...и его организм напоминает компьютер: когда системы начинают отключаться, он пробует восстановить их работоспособность, используя базовую программу регенерации.

Кроме исследования этого феномена, лаборатория компании *Methuselah* занималась и другими направлениями. В мемуарах Дефоржа было сказано:

*Шарлемань проводит разнообразные эксперименты на саламандрах и моллюске *Elysia chlorotica* – восточной изумрудной элизии. Это единственное животное, способное к фотосинтезу. Элизия добывает из водорослей хлоропласты и с их помощью подзаряжается энергией солнечного света, как растение. Фотосинтез обеспечивают гены, которые уникальный моллюск заимствует у водорослей и встраивает в свою ДНК.*

– Хорошо быть зелёным слизняком, – пробормотал Одинцов, когда узнал, что молодой элизии достаточно две недели есть водоросли, чтобы дальше чуть ли не всю многолетнюю жизнь обходиться вообще без еды, просто нежась на солнце. – Вот это, я понимаю, универсальный солдат!

Ева неодобрительно глянула на него и открыла досье с фотографиями худощавой китаянки. Судя по гладкому кукольному лицу, ей было от силы лет сорок, но в сопроводительной записке говорилось другое.

ЧЭНЬ ЮШЕНГ, 66 лет.

Доктор медицины, профессор университетов Италии, Франции и США. Сторонница эффективного соединения методов древних восточных целителей с достижениями современных медиков. Утверждает, что уже рождён первый человек, который проживёт тысячу лет. Предлагает различными способами регулярно продлевать жизнь стареющим людям на 10-20 лет, чтобы они доживали до очередного прорыва в омолаживающих технологиях.

Таким образом, согласно Чэнь Юшенг, человек шаг за шагом продлит своё существование на 50-100 лет, в течение которых будет разработана совершенная терапия, позволяющая омолодиться до состояния 30-40-летнего и пребывать в нём неограниченно долгое время.

– Ещё одна оптимистка, – сказал Одинцов, припомнив Абрахама Бутсму. – Хотя логика во всём этом есть...

В досье было сказано, что Чэнь Юшенг практикует китайскую терапию *чжэнь-цзю* – иглоукалывание или прижигание особых точек на теле – и увлечена диетическим питанием: китаянка оказалась поклонницей Николы Теслы.

Пришлось Одинцову искать в интернете справки о гениальном физике, который собирался прожить до ста сорока лет и разработал для этого собственную стратегию. Тесла ежедневно проходил больше пятнадцати километров и много плавал. Ел всего дважды – калорийный завтрак в семь утра и белковый ужин в семь вечера. Питался овощными су-

пами, молоком и кашами, не употреблял мяса и фасоли, щавеля и чечевицы, которые закисляют желудок. А кроме того, физик отказался от сексуальной жизни.

Одинцов был согласен с Теслой насчёт ходьбы и плавания; не возражал против каши – хотя лучше всё-таки с мясом, но последний пункт ему категорически не понравился.

– Зачем тогда вообще жить? Просто чтобы жить?! На кой нужна такая жизнь?

– У Теслы была миссия, – строго сказала Ева. – Он до самой смерти оставался величайшим изобретателем всех времён.

– Что, и сто сорок лет прожил?

– Нет. Но когда в восемьдесят один его сбила машина, он лечил сломанные рёбра сам, без врачей. И ещё позже самостоятельно вылечился от пневмонии. – Ева вздохнула. – А умер в восемьдесят шесть. От чего – неизвестно. Вроде бы тромб оторвался. И на вид ему давали не больше сорока пяти.

– В Одессе говорят: как покойник питается, так он и выглядит, – глубокомысленно заметил Одинцов.

Он ещё некоторое время читал о том, как Чэнь Юшенг исследовала способы усиления иммунитета, разыскивала описания диет в древних китайских манускриптах, обобщала опыт европейских последователей Теслы и адаптировала его к современным условиям – с учётом существующих продуктов, ритма жизни и прочих нюансов...

– Знаешь такую балерину – Майю Плисецкую? – спросил Одинцов у Евы. – Я в балете ничего не понимаю, но тётка великая однозначно. Танцевала лет до восьмидесяти, по-моему. Тоже миссия. Не хуже, чем у Теслы твоего... А когда её спрашивали, какую надо соблюдать диету, чтобы оставаться стройной и подвижной, отвечала: «Не жрать!».

– Кстати, я проголодалась, – сказала Ева.

Терраса прибрежного ресторана была удобна ещё и тем, что компаньоны могли не отвлекаться от работы ради еды. Ева заказала себе пхукетского лобстера на банановых листьях с гарниром из свежих фруктов. Ближился вечер, и Одинцов тоже решил перекусить, но его отвлек звонок Дефоржа, который резко ускорил ход событий.

Глава XI

– Чэнь Юшенг получила несколько странных мейлов, – сказал по телефону француз. – Очень странных.

Одинцов не сомневался, что люди Дефоржа присматривают за фигурантами списка учёных. Значит, и в почту залезли... «Молодцы», – подумал он, а вслух спросил:

– В чём странность?

– Ей прислали результаты анализов, которые в принципе невозможно получить. Хотя кое в чём они напоминают анализы родителей Клары. Особенно матери.

– Кто прислал?

– Алессандра Моретти. Раньше работала с Чэнь. Можно сказать, её ученица. Посмотри почту. Там есть несколько селфи.

Моретти оказалась остроносой загорелой блондинкой спортивного вида и напомнила Одинцову итальянскую певицу Рафаэллу Карра в молодости: когда он был курсантом, советское телевидение изредка показывало её клипы.

– Симпатичная, – оценил Одинцов и, не обращая внимания на сердитое сопение Евы, спросил Дефоржа: – Предлагаешь познакомиться на конгрессе?

– Она в нём не участвует, – ответил француз.

– А почта откуда пришла?

– Спутниковый телефон. Регион здешний. Таиланд, Кам-

боджа, Вьетнам... Точнее пока не скажу. Выясняем. До связи!

К удовольствию Одинцова раздражённая Ева тут же высказалась насчёт Моретти.

– Ничего симпатичного. Крашенная блондинка. Красилась давно. Корни отросли неприлично, видишь? Концы посекались – не волосы, а пакля... Ужас! И она ещё это другим отправляет. Фу. Разве так трудно следить за собой?!

– Кстати, может быть, и трудно, – задумчиво сказал Одинцов. – Если я правильно понимаю, для волос краска специальная нужна, какие-никакие условия, парикмахер. А если их нет... Или ей просто не до того. Спасибо за идею!

Одинцов принялся разглядывать снимки с увеличением. За работой он тихо напевал под нос припев из главного хита Рафаэллы: «*A-ha, a-ha, do never start it if you can't stop*» – «Не начинай, если не сможешь остановиться». Мелодичное мычание заменяло слова куплета.

Трудно сказать, что раздражало Еву больше: бесконечная глупая песенка или интерес её мужчины к другой женщине. Тем временем Одинцов полез в браузер, и на дисплее макбука замелькали фотографии растений вперемежку со страницами справочников. Ева подсматривала, но не успевала читать по-русски. Ход мыслей компаньона оставался для неё тайной.

Когда Одинцов нашёл то, что искал, он с довольным видом закрыл макбук, позвонил Леклерку и распорядился, что-

бы завтра до рассвета яхта прибыла в Трат.

– Напоследок в Камбоджу сходим, – предупредил он капитана.

Ева потребовала объяснений. Завтра к ночи заканчивался срок аренды яхты. Но ещё утром предстояло забрать Мунина из больницы, чтобы на следующий день всем вместе перебраться в Камбоджу, а послезавтра быть на торжественном открытии конгресса в Сиануквиле – прибрежном курортном городе неподалёку от границы с Таиландом. С чего вдруг Одинцов уезжает на сутки раньше и без компаньонов?

– Хочу спокойно рыбку половить, – объяснил он. – Сгоняем с Леклерком по-быстрому туда-обратно. А ты выступишь, встретишь Конрада Карловича, расскажешь ему про Клару и всё остальное, пока вещички будете собирать в дорогу.

Ева так и не добилась от Одинцова подробностей...

...а он решил по горячим следам проверить интересную догадку. К тому же душа просила энергичных действий вместо брахтанья в океане биологической информации.

На снимках Алессандры Моретти в кадр попали кусты выше человеческого роста – стройные, как кипарисы или туи, но с характерными продолговатыми листьями. Среди густой листвы висели длинные узкие гирлянды из множества тёмно-зелёных шариков.

Перец.

Эту пряность выращивают по всему миру, но лишь в Камбодже она возведена в ранг национального достояния. Осо-

бый статус перца из провинции Кампóт официально закреплён международными соглашениями так же, как статус шампанского из провинции Шампань или овечьего сыра *пекорина сардо* с острова Сардиния.

Профессионалы ценят кампотский перец раз в десять дороже аналогов – за неповторимую освежающую остроту и густо насыщенный аромат с нотками эвкалипта и цитруса. Выращивать и продавать его имеют право лишь специально сертифицированные компании. Кампотский перец из соседних провинций Кампонгспы, Кампонгтям и тем более из Сиануквиля – подделка.

Одинцов подумал, что Моретти умышленно выбрала фоном для селфи скучные кусты, а не открыточные морские виды или заросли цветов. Возможно, снимками неухоженных волос и определённых растений женщина хотела намекнуть, что надолго застряла где-то против собственной воли. И перец указывал, где именно её держат.

Провинция Кампот тянется вдоль части морского побережья Камбоджи. Местный перец уникален благодаря Сиамскому заливу, который питает землю солью и микроэлементами. Но сейчас Одинцова меньше всего интересовали тонкости сельского хозяйства или гастрономии.

Его интересовали пираты.

Вся брендовая продукция в мире делится на лицензионную и пиратскую. Это касается музыки, фильмов, книг, одежды, компьютерных программ, игрушек, аппаратуры,

продуктов – чего угодно.

Официальное производство кампотского перца может обеспечить разве что сотую часть продаж. Остальной спрос в стране и мире удовлетворяют поставки с пиратских плантаций. Одинцов рассудил так: если бы лабораторию Моретти устроили там, где перец выращивают легально, итальянка выглядела бы ухоженной. Значит, её спрятали у пиратов.

Дефорж сказал, что анализы заставили биологов «Чёрного круга» оторопеть. То есть лаборатория серьёзная, а не стул, стол и микроскоп с компьютером. В таком случае плантация должна быть достаточно большой. Значит, пираты гнездятся не на материковом берегу, где привлекали бы лишнее внимание, а на острове. Но и не слишком далеко от берега – в пределах двенадцатимильной зоны, чтобы не дразнить пограничников.

Для тяжёлых работ камбоджийцы используют нелегальных мигрантов из Вьетнама и платят им гроши, хотя пиратский продукт – на вес золота. Доверчивым туристам или пользователям интернет-магазинов его продают как сертифицированный кампотский перец. Жилища нелегалов, большая плантация и крупнотоннажное производство надёжно скрыты в островных джунглях, а пираты кроме своего добра охраняют Алессандру Моретти с её лабораторией – это удобно...

...и всё же слишком сложно. Зачем нужны такие сложности, Одинцов пока не понимал, поэтому не торопился обсуж-

дать с Дефоржем свои догадки. Согласится ли француз без достаточных оснований отправить на острова разведку? А если согласится – как быстро начнёт операцию? И насколько можно доверять его людям? В себе Одинцов был уверен, а в чужой неизвестной команде сомневался, поэтому решил действовать сам, не теряя ни дня, ни даже часа.

Время поджимало. Клара вот-вот сляжет после инъекции, её мать при смерти... Быстроходная «Принцесса» под рукой. Одинцов рассудил, что состоятельный турист, который совершает экскурсию на яхте по экзотическим островам, вызовет у пиратов меньше подозрений, чем люди Дефоржа.

Ночью Одинцов изучал побережье Камбоджи по спутниковым картам. Большие острова отпали сразу: просторные и обжитые уголья под носом у властей не годятся для пиратов. Забраковать пришлось и острова-малыши. Посёлок с многими сотнями вьетнамцев, а главное – обширную плантацию с необходимой инфраструктурой там не утаишь. Одинцов составил перечень островов среднего размера. До ближайшего, с учётом задержки у пограничников, – часа три ходу на мощных двигателях «Принцессы». Расчёт показывал, что за сутки яхта успеет обойти все подозрительные острова вплоть до границы с Вьетнамом и на следующее утро вернётся в Трат.

Одинцов не собирался искать сами плантации: с моря их не видно. Он был уверен, что у пиратов хорошая охрана. В обывательском понимании хорошая – значит многочисленная, вооружённая до зубов и технически оснащённая. В

терминах Одинцова – сброд. Бестолковая толпа, не имеющая понятия об армейской дисциплине, караульной службе и маскировке. Пиратскую базу выдадут чересчур мощные моторные лодки у причалов, болтающиеся по берегу молодцы с автоматами и наблюдательные вышки – верные признаки того, что на острове расположен охраняемый объект, а не рыбацкая деревня. Одинцову предстояло засечь точное место, куда Дефорж без лишних разговоров отправит уже не разведку, а полноценный десант.

«Принцесса» ещё затемно взяла курс в сторону Камбоджи. Одинцов занял пассажирское кресло через проход от капитанского мостика: там любила сидеть Ева, пока Леклерк не обиделся на неё из-за Жюля Верна.

Море перед рассветом притихло, яхта легко рассекала мелкую волну, и капитан с удовольствием выжимал из двигателей всё, на что они были способны.

– Не знал, что в Иностранном легионе есть моряки, – между прочим обронил Одинцов. – Давно уволился?

Леклерк явно был удивлён.

– С чего ты взял?

– Тату, – коротко сказал Одинцов. Капитан скосил глаза на правое плечо: пассажир сидел слева и не мог видеть наколку, вдобавок почти слившуюся с другими. Одинцову пришлось пояснить: – Это не я такой догадливый, это Клара такая глазастая.

– А ей откуда знать про Легион?

– Прадед был легионером. Повезло девчонке. А я легионеров никогда не видел... Не хочешь – не отвечай. Но я охотно послушал бы. Интересно, правда!

Чтобы расположить к себе человека, достаточно поощрить его парой добрых слов. Любому нравится говорить о себе, а слушатель на время рассказа становится лучшим другом. Это было важно для Одинцова: он ведь использовал капитана втёмную, не посвящая в свою затею. Им вдвоём, без оружия, на мирном судне предстояло целый день шнырять под носом у камбоджийских пиратов. Это вполне могло создать проблемы. Леклерк – опытный солдат. Он знает здешние края, знает местные нравы и, чего доброго, догадается, что у Одинцова на уме не только экзотика. Тогда и сработает его нутро легионера, которое заранее аккуратно расшевеливал Одинцов...

Леклерк не стал кочевряжиться.

– Ты ведь тоже военный? – прямо спросил он.

– В прошлом, – признался Одинцов, не кривя душой. – Россия – такая страна... Знаешь, наверное: почти каждый хоть сколько-то времени носил погоны.

– Конечно, знаю. Со мной служили ваши. Некоторые нормальные, а некоторые... – Капитан поднял глаза, вспоминая слово, и радостно засмеялся, когда ему это удалось. – *Otmorozok!* Они называли себя *otmorozok!* Один в кабаке с кем-то поспорил. Тут же вспорол себе руку ножом до кости и тут же зашил через край обычной ниткой с иглой... Два

моих приятеля блевали, глядя на это, а ему хоть бы что – даже бровью не повёл!

Заодно Леклерк похвастал, что «Принцесса» раньше принадлежала ФСБ России. Почти новую яхту списали, он её удачно купил и до сих пор удивлялся: зачем генералам государственной безопасности такая роскошная лодка? Что думают по этому поводу налогоплательщики? Одинцов ушёл от обсуждения российских обычаев, ловко вернулся к разговору о Легионе и продолжал слушать капитана, глядя, как над морем прямо по курсу светлеет розовая полоска зари.

Глава XII

Утром Ева забрала полуживого и полупьяного Мунина из больницы. Таксист отвёз их в прибрежный ресторан, который Одинцов с Евой облюбовали для работы. На свежем воздухе Мунин проветрился и узнал, почему Клара так срочно улетела в Африку. Рассказ о событиях последнего времени привёл его в ярость, а насчёт Дефоржа, который заварил всю эту кашу, историк был согласен с Евой:

– Да ему ноги мало переломать!

– Ноги переломать успеем, но делу это не поможет, – словами Одинцова ответила Ева. – Сейчас есть занятия поважнее.

В отеле Мунин удивился:

– А где папаша Майкельсон?

– Рыбу ловит с Леклерком, – сердито проворчала Ева и сунула историку в руки макбук. – Читай пока. Тут столько всего... Просто взрыв мозга. Завтра едем с Дефоржем в Сиануквиль на конгресс.

– С Дефоржем?!

– С Дефоржем. У нас договор. И не бросайся на него, держи себя в руках. Думай о Кларе! Остальное потом.

Ева ошиблась: Одинцову с Леклерком было не до рыбы.

На рассвете «Принцесса» пересекла границу между Таиландом и Камбоджей. Морские пограничники обеих стран

знали яхту и капитана, который регулярно катал пассажиров туда-обратно. А кроме того, мало кто из азиатов может похвастать бородой, и густые заросли на лице Леклерка вызвали у них уважение с мистическим оттенком. Магия бороды, усиленная наличными, позволила быстро пройти контроль по обе стороны границы. Одинцов даже не поднимался из кресла, где сидел с сигаретой и стаканом сока.

В камбоджийских водах Леклерк пару раз предлагал расчехлить спиннинги, но Одинцов жестом открытой ладони, как вождь на плакате, молча указывал: дальше, дальше! По пути он велел подходить ближе к нужным островам и разглядывал их в мощный капитанский бинокль. На всё про всё у Одинцова был только день до сумерек. Времени для рыбацких подвигов не оставалось...

...но Леклерк мог задуматься о причинах странного интереса к однообразным островным пейзажам. Поэтому Одинцов продолжал расспрашивать об Иностранном легионе, и капитан в самом деле увлёкся воспоминаниями.

– Чем всегда были знамениты легионеры? – рассуждал он, когда яхта огибала очередной остров, указанный Одинцовым. – У нас ценились два искусства: убивать и умирать...

Одинцов насмешливо перебил:

– Искусство – это когда актёр в кино говорит: «Люблю запах напалма по утрам». Умирать никому не нравится, а желание убивать у мужчин в крови. Оружие – как наркотик. Оно лишает страха и делает тебя всемогущим. Всё, что ты

видишь, превращается в мишень. Палец дрожит на спусковом крючке. Грохот выстрелов – лучшая музыка. Адреналина столько, что почки болят, горло распухает, и можно задохнуться... Это романтика, это я понимаю.

– Ничего ты не понимаешь! – огрызнулся Леклерк. – Романтика тут ни при чём. Это война. Убей или умри. Хорошие парни против плохих парней. Только у подонков чести нет, а у нас есть. Мы же не наёмники, не каратели, – мы солдаты... Слышал про кодекс чести легионера? Всего семь статей, зато какие!

Статья первая: легионер – это доброволец, который служит Франции с честью и верностью.

Статья вторая: все легионеры любого гражданства, расы и вероисповедания – братья по оружию и члены одной семьи.

Статья третья: легионер привязан к своим командирам и уважает традиции, сила легионера заключена в дисциплине и товариществе, добродетель – в мужестве и лояльности.

Статья четвёртая: легионер гордится службой в Легионе и проявляет свою гордость через постоянную безупречность обмундирования и амуниции, опрятность казармы, достойное и скромное поведение.

Статья пятая: легионер постоянно совершенствует боевую и физическую подготовку и содержит оружие в исправности как самую большую ценность.

Статья шестая: боевая задача священна, легионер вы-

полняет её до конца, соблюдая законы, обычаи войны и международные соглашения даже с риском для своей жизни.

Статья седьмая: в бою легионер действует без ненависти, уважает побеждённого противника и никогда не оставляет ни своих убитых, ни своих раненых, ни своего оружия.

Капитан отгарабанил текст с выражением, словно стихи, а запнулся всего в нескольких местах, переводя с родного языка на английский. «Хорошо учили», – оценил Одинцов.

– Понятно? Законы жизни! – Леклерк с многозначительным видом расправил плечи.

– Понятно, – кивнул Одинцов. – Беру назад свои слова насчёт романтики. В Легион ты вступил по делу. А ушёл почему? Вроде не старый, мог бы ещё служить и служить...

Леклерк задержался с ответом и теребил бороду, когда Одинцов сделал останавливающий жест, поднеся к глазам бинокль, и напряжённо застыл в кресле.

– Что там? – спросил капитан. Второго бинокля у него не было.

– То, что надо, – по-русски пробормотал Одинцов, а по-английски рявкнул: – Уходим, быстро! Пошёл, пошёл, пошёл!

Смышлёный Леклерк тут же врубил полный ход. Яхта рванула прочь от острова в открытое море...

...а ей вдогонку из укромной бухты метрах в трёхстах вылетели четыре длинные моторные лодки. Одинцов сно-

ва прильнул к биноклю и разглядел в каждой человек по восемь. Преследователи были вооружены, но не стреляли. «Молодцы, – мысленно похвалил их Одинцов. – Берегите патроны, ребята! И держитесь крепче». Невозможно целиться с такого расстояния из лёгкого дюралевого судёнышка, скачущего по волнам в туче брызг. Зато проще простого – вылететь за борт.

Яхта шла на максимальной скорости. Капитан забрал у Одинцова бинокль и убедился, что пиратские лодки с громадными подвесными моторами не отстают от «Принцессы», но и догнать её не могут. Леклерк держал прежний курс. Чем дальше от берега, тем ближе спасение. Территориальные воды – всего двенадцать морских миль, а дальше – пограничная зона. Яхта окажется там спустя считанные минуты, и пиратов ждёт неуютная встреча со сторожевыми катерами: там уже недолго самим попасть в прицелы автоматических пушек и пулемётов.

Леклерк подвигал плечами, сбрасывая напряжение, и откинулся на спинку капитанского кресла.

– Уф-ф... Отбой тревоги!

– Будем надеяться, – философски добавил Одинцов.

Надежды не сбылись. В небе над островом возникла чёрная точка, которая скоро превратилась в военный вертолёт. На небольшой высоте он обогнал сперва пиратские лодки, потом яхту, – и дал из бортового пулемёта длинную очередь поперёк её курса. Высокие фонтаны от пуль крупного калиб-

ра обозначили черту, пересекать которую явно не стоило.

– *Merde!* – выругался Леклерк и застопорил двигатели.

– А вот это уже серьёзно, – сказал Одинцов. – Что дальше?

– Будем ждать пограничников. Я включил аварийный маячок, – угрюмо сообщил капитан.

Подоспевшие лодки со смуглыми пиратами окружили «Принцессу». Теперь на беглецов со всех сторон смотрели два десятка автоматов. Одинцов и Леклерк подняли руки. Вертолёт завис над самым носом яхты; из него на фордек прыгнули пятеро крепких парней в камуфляжной форме без опознавательных знаков. Грохоча берцами по палубе, они заняли салон и тоже взяли Одинцова с Леклерком на прицел. Последним из вертолётки появился командир – жилистый кхмер в таком же камуфляже и больших чёрных очках.

– Выключи маячок, – велел он Леклерку, пройдя до капитанского мостика. Леклерк замешкался, и командир прикрикнул: – Живо!

Одинцов подумал, что бывший легионер может проявить ненужное геройство и сморозить какую-нибудь глупость. Автоматы нападавших выглядели убедительным аргументом в пользу примерного поведения. Имело смысл взять инициативу в свои руки. Одинцов сделал вид, что напуган, и заговорил:

– Я турист... Простой турист... Пожалуйста, не стреляйте! Если я что-то нарушил... э-э... или чем-то вам поме-

шал... Я готов заплатить...

– Сколько? – помолчав, спросил пират.

– Не знаю... У меня нет опыта... Скажите, сколько надо...

– О'кей. – Пират повернулся к Леклерку: – Поехали!

– Куда?

– На экскурсию. Вас интересовал мой остров. Экскурсия платная, цену обсудим позже.

Вероятно, командир шутил, но без тени улыбки. Чёрные очки скрывали взгляд, скуластое лицо оставалось неподвижным.

Под стволами автоматов Леклерк привёл «Принцессу» назад к острову. Там ему было приказано бросить якорь на глубине – посреди укромной живописной бухты, откуда стартовали лодки преследователей. Эти же лодки перевезли Одинцова, Леклерка, пятёрку бойцов и командира с яхты к причалу. Пленников пересадили на внедорожники. С Одинцовым поехали командир и два бойца, Леклерка сопровождали трое остальных.

Попетляв сквозь джунгли по грунтовой дороге, машины остановились перед аккуратным зданием. Белёными стенами и тростниковой крышей дом напомнил Одинцову бунгало в тайском отеле, но заметно большего размера. По соседству на лужайке стоял знакомый вертолёт, который успел вернуться раньше. Дальше тянулись бараки – очевидно, жилища для вьетнамцев.

На острове хватало вооружённой охраны – и в бухте, и вокруг здания, и возле барачков, и наверняка на плантации тоже. Но это был бестолковый сброд, Одинцов не ошибся. Вожаками у таких обычно становятся свои; в лучшем случае им нанимают пару инструкторов. А тут, похоже, плантаторы наняли настоящих коммандос. Когда пираты атаковали яхту, Одинцова заинтересовала униформа на командире и пятерых автоматчиках. Эти парни выделялись не только благодаря контрасту с остальной толпой в пёстрых футболках и тапках. Они вели себя иначе и с оружием обращались грамотно, да и стволы у них были покруче обшарпанных китайских «калашниковых».

Впрочем, удивляться присутствию наёмников не стоило. Пиратская торговля перцем – сверхприбыльный бизнес. Плантаторам вполне по карману отряд профессионалов с военным вертолётком и дорогим оружием. Одинцов порадовался, что узнал об этом до высадки Дефоржа с его людьми. Теперь он мог предупредить француза об опасности: незваных гостей вместо стада охранников ждут опытные бойцы. Но чтобы Дефорж отправил десант, надо было указать ему разведанный остров, а для этого – вернуть себе свободу.

«Разужнаю, сколько здесь наёмников, и выясню, где прячут итальянку», – решил Одинцов. Он продолжал играть роль напуганного туриста, но помнил о времени. Конечно, исполнительная Ева утром забрала Мунина из больницы и рассказала, что к чему. Само собой, историк тут же позво-

нил Кларе, поклялся отомстить Дефоржу, а теперь штудирует меморандумы коварного француза. Завтра днём троицу ждут на открытии конгресса в Сиануквиле. Значит, не позже завтрашнего утра Одинцову надо объединиться с компаньонами для совместной работы. И тут очень кстати пришлась бы информация от Алессандры Моретти. На худой конец – понимание её роли в биологических экспериментах.

Лезть в драку Одинцов не собирался. Это дело людей Дефоржа: пусть они воюют на острове и спасают Моретти от пиратов. Зачем раньше времени ворошить осиное гнездо? Зачем сражаться с шестью молодыми крепкими наёмниками, если за свободу можно заплатить? К деньгам Одинцов относился безразлично, и деньги у него были. Правда, если отдать их запросто – командир заподозрит неладное. «Поторгуемся для виду», – сказал себе Одинцов...

...но торговли не получилось.

Глава XIII

Одинцова с Леклерком завели в дом и усадили на табуреты посреди большой комнаты. Здесь вовсю молотил кондиционер – можно было перевести дух после влажной жары джунглей.

Пленников не стали связывать: вооружённые пираты чувствовали себя уверенно. Один из них остался за дверью, четверо заняли места в комнате – двое со стороны Одинцова, двое со стороны Леклерка. Пиратский командир уселся в паре метров от них на дощатый стол и снял чёрные очки. Его раскосые глаза ничего не выражали.

– Итак, вы мистер Леклерк и мистер Майкельсон, – прочёл командир в паспортах из непромокаемой папки с документами, которую прихватил на яхте. – Мистер Леклерк – владелец яхты, а мистер Майкельсон...

Он поднял взгляд, и Одинцов заискивающе улыбнулся:

– Турист. Простой турист. А я могу узнать ваше имя?

– Зачем?

– Я бизнесмен. В бизнесе принято спрашивать, кому переводят деньги. Мы же договорились, что я вам заплачу...

– Мы ни о чём не договаривались, – оборвал его командир. – Здесь я приказываю, а ты делаешь. Ясно? – Одинцов с готовностью кивнул. – О'кей, зови меня мистер Лок.

– Это по-здешнему значит «господин». – Леклерк

неосмотрительно перевёл Одинцову имя и тут же получил от стоявшего рядом наёмника такой мощный удар ногой в живот, что опрокинулся вместе с табуретом.

Глянув, как он корчится и натужно кашляет, Лок холодно повторил:

– Здесь я говорю. Остальные слушают. И говорят, когда я разрешил. Сядь!

Леклерк, прерывисто дыша и обхватив живот руками, занял прежнее место.

– Один из вас или вы оба – шпионы, – продолжал Лок. – Я хочу знать, кто вас послал и с каким заданием.

– Я не шпион, я турист... – начал Одинцов, и ближайший наёмник ударил его ногой, целя в почку.

Одинцов ждал удара. Он блокировал его локтем – так, чтобы со стороны не было заметно, – и рухнул на пол у ног Леклерка. Несмотря на блок, удар получился чувствительным. Скорчившись для виду, Одинцов спросил сквозь стоны:

– За что?! Вы же разрешили говорить...

– Это чтобы ты понял, что мне нужна только правда, – откликнулся Лок. – Сядь и говори.

Одинцов с тяжёлым сопением взобрался на табурет. Как и Леклерк, он придерживал ушибленное место и опасно косился в сторону наёмников.

– Пожалуйста, не бейте больше... Я турист. Отдыхаю в Таиланде, на острове Чанг... Две недели назад нанял яхту. Кру-

из по Сиамскому заливу... Сперва Таиланд, потом Камбоджа...

– Заткнись! Теперь ты. – Лок повернулся к Леклерку, и тот подтвердил:

– Это правда. Он меня нанял... Сегодня последний день. Посмотрите в документах, там контракт и маршрут.

– Обычное дерьмо из принтера. – Лок презрительно швырнул папку с документами на стол.

– Можете проверить заправочные квитанции, – сказал Леклерк. – На две недели нужно много бензина.

Наёмник снова сшиб Леклерка на пол ударом ноги. Лок спрыгнул со стола и прошёлся перед лежащим пленником. Тот глухо стонал, подтягивал колени к груди и одной рукой держался за живот, а другой прикрывал голову, ожидая новых ударов.

– Две недели меня не интересуют, – сказал Лок. – Меня интересуют последние сутки. Даже меньше. Вчера отсюда отправили мейл. Кто-то получил его и приказал действовать. Или тебе, – он посмотрел на Одинцова, – чтобы ты взял яхту. Или тебе, – Лок пнул Леклерка по голени носком берца, – чтобы ты использовал глупого туриста как прикрытие. Или приказ получили вы оба, поэтому появились так быстро. Я хочу знать, кто вы и кто за вами стоит.

Леклерк заговорил первым:

– Это он! Я ни в чём не виноват. Он позвонил вчера... Заставил идти сюда... и рыбу не ловил... а все ловят... Это

он! Спрашивайте у него.

Лок остановился перед Одинцовым.

– Что скажешь?

Одинцов шмыгнул носом.

– Это ужасная ошибка. Отсюда невозможно отправить мейл. Здесь же нет связи, я пытался звонить по мобильному...

– Спутниковый телефон. Всё, или ещё что-нибудь?

– Только не бейте, я объясню, – торопливо продолжал Одинцов. – Письмо ушло вчера, так? Вы говорите, там был сигнал – действовать, и я сразу вызвал яхту. То есть у меня не было времени, чтобы согласовать свои действия с начальством или получить инструкции. Но если я начал действовать мгновенно – получается, я сам начальство, и отправитель меня знает. А это не так! Устройте нам встречу – и сами убедитесь.

«Логика кривая, но плевать. Лок не заметит или решит, что это от страха», – думал Одинцов. Увидеть итальянку он не надеялся, ему важна была реакция командира наёмников. Одинцов хотел выяснить, жива ли Моретти. Если её убили за отправку мейла – эта ниточка оборвана. Дефоржу на острове делать нечего, а троица станет искать разгадку биологической тайны где-то ещё.

Одинцов был уверен, что Лок проговорится, сам того не желая. Армейских сержантов нанимают в охрану за умение командовать взводом солдат, а не хитрить на допросе. Нет

у него той специальной подготовки, которую Одинцов получил в элитной спецназовской школе...

Трюк сработал даже лучше, чем можно было ожидать.

Постояв перед Одинцовым ещё немного, Лок отрывисто произнёс что-то на своём языке. Наёмник со стороны Леклерка вытащил из ящика в углу пластиковую бутылку с водой и бросил ему. Второй наёмник, стоявший ближе к двери, вышел. Лок снова уселся на стол и сделал несколько глотков из бутылки, продолжая разглядывать Одинцова.

– Ты бизнесмен, – сказал он после паузы. – Какой у тебя бизнес?

– Системы безопасности, – ответил Одинцов.

Лок насторожился:

– Служба безопасности?

– Нет-нет-нет! – Одинцов замотал головой. – Системы! Системы безопасности! Видеокамеры, датчики движения и другая электроника... В основном для музеев.

Одинцов по привычке старался говорить правду, насколько это возможно. Его учили: начнёшь врать, где не надо, – обязательно запутаешься. Сказанное было правдой примерно наполовину. Ещё несколько месяцев назад отставной майор спецназа Одинцов жил совсем другой жизнью и действительно ведал видеокамерами в Михайловском замке – части Русского музея в Петербурге. Но не бизнесом занимался, а руководил службой безопасности. Судьба столкнула его с Муниным и Евой. Он помогал им разгадывать древние

тайны, и теперь черед опасных приключений в Петербурге, Майами, Кёльне и Лондоне вынудила троицу скрываться с документами на новые имена.

– Ты бизнесмен, – повторил бесстрастный Лок. – Ты быстро думаешь. Быстро, но плохо. Ты не сможешь меня обмануть.

Вскоре наёмник, выходявший из комнаты, вернулся, толкая перед собой Алессандру Моретти – в той же одежде и с растрёпанными волосами, как на снимках, которые видел Одинцов. Только теперь губы женщины были разбиты, блузка перепачкана и усеяна каплями крови; на левой скуле расплылся синяк, а покрасневшие глаза опухли от слёз.

– Ты их знаешь? – спросил её Лок.

– Нет, – тихо сказала пленница, и Лок прикрикнул:

– Смотри внимательно! Они говорят, что ты их знаешь. Ты подала им сигнал. Они приехали за нами шпионить. Как они узнали, где ты? Кто они? Говори!

Моретти втянула голову в плечи.

– Я уже всё рассказала... Я их не знаю, – всхлипывая, залопотала она. – Я отправила фотографии своей знакомой, Чэнь Юшенг, чтобы она не волновалась... И ещё результаты последних анализов. Спросила, что я не так делаю, раз получается то, чего не может быть... Миссис Чэнь – знаменитый биолог...

– Сука! – сквозь зубы произнёс Лок, соскользнул со стола, шагнул к пленнице и наотмашь ударил её по лицу. Моретти

зарыдала в голос. – Ты должна была отправить мейл в лабораторию, а не подружке! Я дал тебе телефон, а ты... Говори, кто они!

Лок ударил снова. Моретти стала оседать, но конвоир схватил её за руку выше локтя, тряхнул и заставил держаться на ногах.

– Простите, – подал голос Одинцов, – можно этого не делать? Я не могу смотреть, когда бьют женщину. Мне становится плохо.

Ближайший наёмник пинком вышиб из-под него табурет. Одинцов свалился на пол и получил ещё несколько ударов ногами, а Лок пообещал:

– Сейчас тебе станет хорошо.

По его команде двое наёмников подхватили Леклерка и отволокли к столу. Капитан пытался сопротивляться, но под градом ударов был вынужден встать на колени. Наёмники заломили ему руки за спину и припечатали скулой к столешнице. Держали крепко: униженный Леклерк мог только рычать от бессилия.

Лок вытащил из-за спины малазийский *крис* – длинный широкий кинжал с хищно изогнутым клинком – и обратился к Одинцову и Моретти:

– Ваш друг слишком большой. Я начну отрезать от него понемногу. Сперва ухо, потом палец... Это больно, он будет кричать. И скажет мне правду. Или вы скажете. Мне всё равно, кто... Нет, сперва палец, потом ухо.

С этими словами Лок взялся отгибать палец на заломленной руке Леклерка. Капитан взвыл.

– Он истечёт кровью, – подал голос Одинцов. – А нас убивать нельзя.

– Почему? – спросил Лок.

– Ты ничего не узнаешь, если ошибёшься и убьёшь настоящего шпиона. Твой босс этого не простит.

– Что ты знаешь про моего босса? – Лок выпустил палец Леклерка и проверил ногтем остроту кинжального лезвия. – Хочешь, чтобы я начал с тебя? О'кей.

По его команде наёмник, державший Моретти, отшвырнул её к стене и вместе со вторым парнем в камуфляже рывком поднял Одинцова с пола.

– Нас нельзя убивать! – снова сказал Одинцов, когда его поволокли к столу, и добавил: – А вас можно.

В тот же миг он внезапно извернулся, выдернул «беретту» из кобуры, притороченной к бедру над коленом одного из наёмников, и прострелил обоим ноги.

Первый раненый покатился по полу, а второму Одинцов не дал упасть и развернул к себе лицом...

...чтобы прикрыться его спиной от криса: Лок успел метнуть кинжал до того, как следующая пуля разнесла ему череп. Остриё с глухим звуком вошло наёмнику под лопатку.

Двое у стола слишком крепко держали Леклерка и успели только схватиться за оружие, когда их постигла судьба Лока: все трое стояли рядом, как мишени в тире.

Последний наёмник, карауливший снаружи, рванул дверь на себя и, поводя стволом пистолета, сунулся в комнату...
...где его уже ждали – Одинцов и пуля в лоб.

Ещё двумя выстрелами Одинцов добил владельца «беретты» и его напарника с кинжалом в спине.

Вся пальба заняла шесть-семь секунд. Грохот выстрелов сменила такая же оглушительная тишина. Моретти привалилась к стене, об которую её шваркнул наёмник. Избитый Леклерк продолжал стоять на коленях у стола с руками за спиной: он лишь поднял голову и застыл в изумлении...

...тогда как Одинцов не останавливался ни на миг. Он выпихнул труп караульного за порог, закрыл дверь, перезарядил «беретту», подобрал с пола второй пистолет и заткнул оба за пояс сзади, снял со стойки у входа пару израильских штурмовых винтовок «Тавор», оставленных наёмниками; проверил магазины и повернулся к Леклерку.

– Идти можешь?

Капитан с кряхтением поднялся.

– Могу.

– А бежать? – Одинцов сунул папку с документами за пазуху и уже открывал окно, выходящее на противоположную от входа сторону дома. – Шевелись! Бери девушку и давай за мной.

Леклерк с обмякшей Моретти на плече бежал довольно резво. Впрочем, это был даже не бег, а рывок от силы метров на тридцать – до пустого вертолёт, стоявшего на лужайке

возле дома.

Охранники у барачков помешать не смогли. Высунувшись из окна, Одинцов для начала разрядил в их сторону подствольный гранатомёт, а после спрыгнул на землю и короткими очередями выкосил самых бестолковых. Остальные залегли. Когда магазин опустел, винтовка полетела в траву. Одинцов продолжал двигаться скользящим шагом: он вертел головой и стрелял с двух рук из пистолетов, прикрывая Леклерка с итальянкой...

...пока следом за ними не ввалился в кабину. Леклерк кивком указал на приборную панель:

– Умеешь?

– Пробовал когда-то, – сказал Одинцов, устраиваясь в кресле пилота. Водить *вертушку* его учили в далёком спецназовском прошлом, но учили на совесть. А кроме того, бывший сослуживец последние годы работал начальником службы безопасности в компании, которая держала прогулочные вертолёты на площадках под Москвой и Петербургом, так что навык удавалось освежать время от времени.

По бронированному стеклу кабины защёлкали пули осмелевших охранников. Одинцов сунул вторую винтовку в руки Леклерку:

– Спишь, солдат?

Леклерк оживился и показал, что стрелять умеет. Охранники снова залегли, а вертолёт неуклюже подпрыгнул до *уровня контрольного висения* метра в два: всё же есть раз-

ница между боевой машиной и лёгкими «робинсонами» для прогулок богатой публики.

– Разберёмся, – процедил Одинцов любимое словечко, давая длинную пулемётную очередь по залёгшим охранникам – как тот пилот, который остановил яхту. Машина пронеслась над бараками и, едва не цепляя верхушки пальм, ушла вбок и вверх.

С высоты Одинцов довольно скоро высмотрел бухту, где стояла «Принцесса», но повёл вертолёт в противоположную сторону. Леклерк догадался:

– Хочешь на материк?

– Они тоже так думают.

Чуть погодя Одинцов развернул машину, снизился, обогнул остров вдоль берега почти у самой воды и зашёл в бухту со стороны моря, откуда его не ждали. Остаток боекомплекта он с удовольствием потратил на расстрел пиратских лодок и склада бочек с горючим у причалов. Лодки пошли ко дну, склад запылал – вдоль берега встала стена огня и дыма. Охранники бросились врассыпную: среди них не нашлось героев, желавших вступить в перестрелку с бортовыми пулемётами.

Вертолёт завис над носом яхты. Лок очень кстати остановил её вдали от причала, чтобы у охранников не было соблазна втихаря разграбить судно.

Моретти уже пришла в себя, но соображала плохо. Леклерк сгрёб её в охапку, выгрузил на фордек и спросил Один-

цова, который остался сидеть в пилотском кресле:

– А ты?

– Поднимай якорь и заводи мотор. Я быстро.

Облетев яхту, Одинцов направил вертолёт к берегу и сиганул в воду. Машина без пилота пронеслась над бухтой, лопасти винта перемешали жирный дым пожара, срубили несколько пальм и разлетелись на куски, а чуть погодя изуродованный корпус уже горел, уткнувшись в густые заросли джунглей.

Одинцов доплыл до кормовой площадки и крикнул оттуда Леклерку:

– Ну что, поехали?

«Поехали» он произнёс по-русски, как Гагарин.

Глава XIV

От острова яхта пошла не в море, а к материку, держа курс вдоль берега на границу с Таиландом. Одинцов запретил вызывать пограничников или полицейских. Леклерк заикнулся было, что на судне командует капитан, но в ответ услышал:

– Во-первых, пираты обязательно платят кому-то на границе и в полиции. Нас будут ждать. Во-вторых, если ты хоть что-нибудь хоть кому-нибудь расскажешь, нас тут же арестуют. А у меня нет ни времени, ни желания торчать в камере, пока полиция разбирается, что к чему. И в-третьих, не сердь меня сейчас. Я и так сердитый.

Капитан прикусил язык: Одинцов был прав, к тому же после расправы с Локом и наёмниками третий довод звучал очень убедительно.

Моретти съёжилась на диване, ловя обрывки разговора.

– Вы кто? – слабым голосом спросила она.

Одинцов промолчал, и Леклерк удивился:

– Ты правда её не знаешь?

– Не-а. Впервые вижу, – сказал Одинцов. Он взял в баре бутылку водки, налил полстакана, смешал с апельсиновым соком в коктейль «отвёртка» и заставил Моретти выпить. Она безропотно подчинилась, хотя разбитые губы кровоточили. Одинцов добыл из холодильника лёд и завернул в салфетку. Итальянка приложила этот компресс к губам, а

через несколько минут получила следующий коктейль и команду:

– Пей.

Вскоре «отвёртка» подействовала: Моретти стала клевать носом. Одинцов уложил измученную женщину на диване, укрыл пледом, и она заснула.

Теперь уже Леклерк спросил Одинцова:

– Всё-таки кто ты?

– Турист, – ответил Одинцов. – Просто не могу смотреть, когда женщину бьют... Хреново выглядишь, – добавил он. – Сходи умойся, я покараулю.

Вид у капитана был действительно неважный. Кровь, смешанная с пылью, подсохла на припухшем лице и превратила растрёпанную бороду в сосульки.

Застопорив двигатели, Леклерк отправился в душ. Пока он приводил себя в порядок, Одинцов позвонил Еве: яхта стояла достаточно близко к берегу, чтобы телефон уловил сеть.

– Привет! Как дела? Как здоровье Конрада Карловича?

Беззаботный тон Одинцова разозлил Еву.

– Мы работаем, а не развлекаемся, в отличие от некоторых, – огрызнулась она. – Что тебе надо?

– Хотел услышать твой голос. Тут ничего особенного. То же, что и в Таиланде. Море, пальмы, песок... Я уже по вам соскучился.

– Скучай дальше, – в сердцах бросила Ева и оборвала раз-

говор.

Одинцов набрал номер Дефоржа.

– Срочно забирай моих и вези в Камбоджу. Остальное при встрече.

В Таиланд возвращаться было нельзя. Несколько часов пути – потерянное время. К тому же пираты действительно могли предупредить пограничников и договориться, чтобы яхту задержали. А главное, как перевезти Моретти через границу без документов?

Одинцов решил идти в Сиануквиль, чтобы там дожидаться Дефоржа, который обещал прикрытие. Но теперь, кроме легенды о работе в *INSU*, требовалась уже физическая защита для всей троицы и Моретти в придачу. Одинцов прикинул: француз мигом соберётся, часа через два прилетит из Бангкока в Трат, заберёт Еву с Муниным и спустя ещё пару часов доставит в Сиануквиль.

После душа Леклерк надел свежую футболку взамен загубленной и с грустью рассмотрел в зеркале ссадины на лице. Борода скрывала часть повреждений, но от этого было не легче. Капитана терзали два чувства: благодарность и стыд. Благодарность за спасение и стыд за напыщенную речь об искусстве убивать и умирать. Леклерк не сделал ни того, ни другого, да ещё и повёл себя, как предатель. Поднявшись на мостик, он сказал Одинцову:

– Я нарушил кодекс Легиона по всем статьям. Имеешь право считать меня последним дерьмом и набить мне морду.

– Морду тебе уже набили, – ухмыльнулся Одинцов. – Заводи мотор.

– погоди, я сперва скажу... Я струсил. Первый раз в жизни. Первый, мать его, раз! Никогда раньше не боялся. Никогда! В Африке воевал, в Ираке, в Косово... Но там рядом – свои ребята, оружие в руках. А тут испугался смерти. До паралича. Шевельнуться не мог... Я же должен был всех порвать! Сдохнуть, но в бою, а не...

Одинцов перебил:

– Хочешь назад?.. Поживи ещё. Сдохнуть никогда не поздно.

– Я видел крутых парней, но ты круче всех. – Леклерк занял место в капитанском кресле. – Легион тобой гордился бы.

– Это вряд ли. У вас в кодексе сказано, что легионер служит Франции. А я всю жизнь служил только России... Дождь начинается. Заводи мотор!

Капли уже стучали о палубу, и Леклерк накрыл террасу стеклянной крышей. Одинцов чувствовал, что капитан хочет выговориться насчёт схватки с пиратами, но ловко переменял тему и обеспечил себя культурной программой до самого Сиануквиля, напомнив:

– Мы остановились на самом интересном месте. Как ты попал в Легион и почему ушёл.

– Точно! – Леклерк тронул яхту с места. – Вот у тебя память... В Легион я попал из-за отца. Он был военным.

Служил в Группе быстрого реагирования национальной жандармерии у капитана Пруто. Это специальное подразделение для борьбы с террористами. Его создали в семьдесят четвёртом году. А в феврале семьдесят шестого террористы захватили автобус в Джибути. Есть на Африканском Роге такая маленькая страна между Эритреей, Эфиопией и Сомали...

Моретти безмятежно спала. Одинцов поправил на ней плед, налил себе виски, расположился в пассажирском кресле, закурил и под напиток слушал рассказ Леклерка.

Третьего февраля автобус, как обычно, вёз в школу детей с французской авиабазы – мальчиков и девочек от семи до двенадцати лет. По дороге брали пассажиров. На очередной остановке в салон вошли вооружённые террористы. Они объявили всех заложниками, приставили ствол к голове водителя и велели ехать в Сомали.

– Езды было всего полчаса, но границу охраняли не местные, а наши ребята, французы, – говорил Леклерк. – Блокпост, пулемёты, бетонные заграждения, на полном ходу не проскочишь. Автобус остановился, с террористами начали переговоры...

В салоне – человек тридцать, среди них дети. Стрелять нельзя. Пропускать бандитов через границу – тоже. Военные поняли, что сами не справятся, вызвали Группу быстрого реагирования и стали тянуть время.

– Группа базировалась в Версале, под Парижем, – говорил капитан. – По тревоге собрали всех. Отца вообще выдернули

из-за праздничного стола. И это семьдесят шестой год, не забывай. Мобильной связи нет, экстренный военный рейс надо согласовать с другими странами, самолёты древние, а до Джибути – шесть тысяч километров. Группа прилетела туда только к вечеру...

Весь день автобус простоял под палящим солнцем. Вторых суток в раскалённой стальной коробке дети могли не пережить.

– Земля перед блокпостом лысая, как коленка у манекенщицы, – говорил Леклерк. – Вокруг ни одного дерева метров на двести. Незаметно к автобусу было не подобраться, но поблизости лежали бетонные блоки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.